

НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ

ТЕРРИТОРИЯ ВОЙНЫ

РОМАН

Враги твои в доме твоём...

В небесно-прозрачной, необъятной водной глади озера плескались, остужаясь, лучи жаркого солнца, восшедшего в зенит дня. Ветерку не хватало дыхания, и он не мог вспенить голубых вод озера и тем самым внести волнение в эту безмятежную тишь и красоту окружающей природы. Во всей этой тиши и глади, что казались вечным присутствием покоя на планете, не чувствовалось никакого напряжения, это состояние окружающего мира было настолько естественным, и даже чуть слышный шум в зарослях прибрежного камыша не раздражал, а лишь усиливал желание остановиться, взглядеться и, может быть, забыв обо всём на свете, пройтись прямо по глади озера туда, где над водным простором, в чуть дрожащей дымке, живёт радость, которая и есть жизнь всего, что существует на Земле. Но хотелось и смирить дыхание, чтобы полнее услышать музыку этой затаившейся вокруг озера тишины, где раздавались редкие всплески и шорохи, будто невидимый музыкант, задумавшийся над сочинением мелодии Вечности, изредка трогал клавиши, настраивая инструмент для воспроизведения великой музыки.

Журнальный вариант.

ЗАЙЦЕВ Николай Петрович родился в 1950 году в Казахстане. После школы работал в топографической экспедиции, закрытщиком, радиомехаником, корреспондентом. Мастер по изготовлению очковой оптики. Печатался в журналах "Простор", "Нива", "Наш современник", "Молодая гвардия" и многих других. Автор поэтических сборников, книг повестей и рассказов. Лауреат премий имени В. И. Белова 2009 года и В. М. Шукшина 2013 года. Победитель множества литературных конкурсов. Член Союза писателей Казахстана и Союза писателей России.

В разломе камышей, что опоясали ближний к лесу берег озера, можно было видеть обычную рыбацкую лодку, а в ней человека, замерших здесь, неразрывно слившись с тишиной и музыкой, и потому оказавшихся необходимыми предметами в природном сюжете уже кем-то выписанной картины этого пространства жизни. Нос лодки, втащенный на берег, слился с твердью, а корма осталась в воде, неразрывно связав собою две стихии — водную и земную — и человека, оказавшегося меж ними. Одет человек был просто: футболка, давно выцветшая в совсем неопределённый цвет, и старая шляпа с опущенными к лицу полями, какие обычно надевают рыбаки. Поза его сидения в лодке носила отпечаток какой-то трагической обречённости, но не только своей, а распространялась вокруг и куда-то дальше: руки и голова были безвольно брошены книзу и так замерли, будто представляли собою персонаж некоей скульптурной композиции. Изваяние печали — так можно было поименовать это выражение одинокой грусти среди музыки тишины. Фигура, сломленная всемирной усталостью, внезапно наступившей в счастливом течении окружающей жизни, образовалась здесь, среди пространства радости и света, и застыла отображением ещё неизвестной миру печали.

Но вот человек встрепенулся, будто услышал какой-то нарождающийся звук, что пригласал к действию, шагнул за борт лодки и стал подниматься на невысокий берег озера по деревянным ступеням, почерневшим от времени и воды. Взобравшись на берег, он направился к лесу, на опушке которого одиноко высился сруб дома, собранный из цельных брёвен по всем правилам постройки лесного жилища. Из будки, прижавшейся к боку порога, выскочила овчарка и закрутила головой, хвостом, негромким повизгиванием приветствуя хозяина. Человек потрепал пса по загривку, поднялся на крыльцо и вошёл в дом. Прошёл к шкафу, достал буханку хлеба, накрошил в чашку и залил молоком из стоящего на полу бидона, вновь сошёл с крыльца и вылил эту нехитрую, но вполне съедобную мешанину в собачью чашку, устало поднялся на крыльцо и, войдя в дом, прилёг на кровать, закрыл глаза, и присутствующий окружающий мир исчез, его заменило пространство некоего другого бытия. И вот такого.

Вот он, Иван Заводьев, принимает из рук сестрички милосердия розовый свёрток и, улыбаясь, несёт его в дрожащих от неуверенности и непривычности к этой ноше руках к машине, а за ним гурьбой следуют друзья, родственники и жена, подарившая ему первенца — дочь. Ещё через год родился сын, семья стала полной радостью, а он трудился не покладая рук в цехе мебельной фабрики в качестве сборщика шкафов, тумбочек, кроватей и прочей домашней утвари. Потом сам, вдруг вспомнив уроки черчения, стал проектировать эту самую утварь, и начальство оценило его проекты: он был назначен мастером мебельного цеха и стал частым гостем в конструкторском бюро. Его мебель уже присутствовала на выставках, он имел патенты на свои конструкции, называл кухонные и гостинные ансамбли именами дочери и жены, гордился своим трудом, но грянула перестройка — спутались дела и мысли — всё переменялось, стало непонятным, и если бы не случай, возможно, Иван пополнил бы ряды армии безработных.

В цех, уже наполовину остановленный в работе, заглянул сам директор фабрики, всегда хорошо относившийся к Ивану как к дельному работнику, и предложил ему купить мебельный цех, в котором он с недавнего времени был начальником.

— Как это — купить? — не понял Иван.

— А так, заплатит некоторые деньги, и всё это, — директор повёл рукою вокруг, — будет ваше, Иван Александрович. Я возражать не стану, но если вы откажетесь, купцов на это предприятие найдётся много. Я уважаю ваше трудолюбие, смекалку и настоятельно советую принять моё предложение. Если вдруг возникнут финансовые затруднения, мы поможем оформить кредит в банке. А теперь ступайте в бухгалтерию, там уже подготовили документы на продажу цеха.

Когда Иван получил на руки все бумаги, дающие право на покупку цеха, он был удивлён суммой платы за предприятие, где трудилось два десятка человек, работали станки, пилорама, да и само здание недавно прошло

капитальный ремонт. Сумма в бумагах была прописана невеликая, будто покупалось что-то не совсем настоящее, игрушечное. Вечером состоялся семейный совет, и было решено: брать. Жена подсуетилась, собрала всю сумму наличными, и Иван с большой сумкой, полной денег, прибыл в бухгалтерию, где кучеры долго пересчитывали, а ближе к обеду он стал единственным владельцем цеха по изготовлению мебели. Всё это произошло буднично и просто, потому, наверное, ещё долгое время он не воспринимал себя как хозяина, а работников цеха — прилагающейся сюда же наёмной рабочей силой.

Прошёл немалый срок, когда ему стал понятен смысл перемен, и сама жизнь и работа приняла в себя реальные черты времени, разумно и решительно отвергнув сомнительную роль стороннего наблюдателя за чередой новых событий. Теперь нужно было самому искать заказы, налаживать контакты с мебельными магазинами, что стало очень непростым делом — на страну обрушился шквал низкосортной импортной продукции, но пригодились образцы мебели, придуманной и сконструированной им самим, и дело малопомалу пошло в гору. К чести нового хозяина, он в трудные для предприятия годы никого не уволил, платил скудно, но вовремя, что в то недавнее дикое время считалось неплохим результатом: на других частных предприятиях не платили вовсе. Десяток с лишним лет протетели в трудах и заботах незаметно, без отлучек, отпусков и с крайне редкими выходными днями. Иван ощутил прошедшее время, только когда вдруг заметил, как повзрослели его дети: дочь превратилась в необыкновенно прелестную девушку, а сын — в ладного парня, широкого в плечах, непривычно серьёзного, увлечённого спортом, театром и литературой. Дочь училась в медицинском вузе на провизора и подрабатывала в аптеке, где хозяйкой была жена Ивана, то есть мама. Сын занимался в театральной студии и посещал спортивную школу плавания. Говорили, что у него неплохие творческие задатки и в спорте он тоже не последний в группе пловцов вольного стиля. Всё это радовало Ивана, но как-то мимоходом, основное время занимала работа. К тому времени он стал акционером родной мебельной фабрики, возродившейся из пепла вокруг его цеха, вставшего на ноги и потянувшего за собою основные мощности упавочного производства, вошёл в совет директоров, что поимённо числился на бумаге: руководить расширенным предприятием приходилось в одиночку.

Когда же всё это случилось, как он остался один в этом доме у леса, у озера? Работа, работа, и вдруг болезнь остановила бег времени, поставила его жизнь на край бытия и спросила: “Зачем и куда ты торопишься?” Он ответил: “Спешу жить”. А теперь, когда ты знаешь, что жизнь вот-вот кончится, как поступишь с остатком временем существования на Земле? Этого он не знал, не ведал и даже не догадывался, что эта страшная беда могла произойти с ним, и не верил, что она уже происходит.

В кабинете после совещания с начальниками цехов Иван Александрович остался один, позвал секретаршу и спросил себе чаю. В одиночестве пил любимый напиток, размышляя о будущих поставках нового оборудования, организации итальянской линии по сборке мебели, но неожиданно почувствовал жжение внутри себя, где-то под грудной клеткой. Он поднялся, но голова закружилась, в глазах поплыли чёрные метляки, и пришлось вновь опуститься в кресло. “Совсем закрутился. Надо ехать домой, отдохнуть”, — решил он и вызвал машину.

Что-то позванивало в голове и подташнивало изнутри, когда он вошёл в дом. Немного послонялся по пустым комнатам, ничего не пытаясь в себе распознать, не признавая возможных недужных перемен, переоделся в домашнее, прилёг на диван и быстро задремал.

Проснулся Иван только утром, заботливо укрытый одеялом, сразу поднялся и вновь ощутил лёгкое головокружение, но после умывания прохладной водой и бритья вернулась всегдашняя бодрость духа и тела. Уже поднялась жена, и он слышал, как на сковородке шкворчала его любимая утренняя еда — омлет. Он оделся и вышел к завтраку, но после первого же проглоченного кусочка омлета появилось жжение внутри; однако Иван промолчал, допил чай и в неприятном состоянии неравновесия мыслей отправился на работу.

За делами, встречами неприятные ощущения забылись, но наступило обеденное время, и после первого глотка апельсинового сока изнутри организма что-то вздрогнуло, и боль потекла от желудка к глотке, заставив Ивана вскрикнуть. Его пожилая секретарша, а он всегда обедал с нею в соседнем с контрольной кафе, удивлённо взглянула и, заметив непривычную растерянность на лице шефа, спросила: “Что с вами, Иван Александрович?” — “Больно, вот здесь”, — он приложил руку к солнечному сплетению. “Одну минуту”, — секретарша порылась в сумочке, нашла таблетки и, подав одну из них, попросила выпить. Иван редко принимал медицинские препараты, но эту таблетку покорно проглотил, запил водой и, закрыв глаза, стал вслушиваться в себя. Через некоторое время боль и вправду утихла, и он не спеша, без особого аппетита покусался. В офисе секретарша по-матерински настойчиво посоветовала обследоваться на предмет состояния здоровья, и даже назвала адрес клиники и дала визитную карточку врача.

Иван же думал по-другому: “Пройдёт. С чего бы это ради идти на обследование. Нужно просто хорошо отдохнуть. Через два дня выходные, уеду куда-нибудь на реку, поброжу на воздухе, порыбачу, и здоровье поправится”. Но не прошло. За ужином он опять ощутил жжение, а потом по телу раскатилась боль, и он, сославшись на усталость, отказался от продолжения ужина и прилёг в своей спальне, затворив двери и выключив свет. Ему казалось, что в темноте боль, ослепнув, отступит, и можно будет уснуть, а утро вечера всегда бывает мудрее. Боль действительно ещё немного посетилась, потыкалась сослепу в разные отделы живота и исчезла. Иван искал её, ощупывая свой живот, грудь и даже лицо, но от боли не осталось и следа, и как он ни давил руками части своего тела, никаких неприятных ощущений не обнаружилось, и, успокоившись на этом, он заснул.

Утром Иван не стал завтракать — боялся прикасаться к еде и, отговорившись занятостью, отбыл на службу. Но как бы он ни торопился уехать от объяснений по поводу нарушения привычного ритма жизни, успел заметить встревоженный взгляд жены, проводивший его к двери. “Как же быть? Голодом ведь я долго не протяну. Правда, и кушать не хочется. Может быть, всё-таки поехать в клинику? Ладно, проведу совещание, подпишу бумаги и поеду к врачу”, — и он не смог вспомнить, когда последний раз был на приёме в поликлинике.

На службе он отвлёкся от болезненной проблемы, быстро завершил необходимые дела, но в преддверии обеда начался усиливаться страх перед едой. Он уже мог себе представить, как проглатывает первую ложку супа, и боль сразу же отзывается навстречу еде и пронзает насквозь его могучее тело, и тут же противно начинало сосать под ложечкой. В этом состоянии предчувствия опасности он поехал в клинику, предупредив секретаршу о какой-то деловой встрече. Удивился, войдя в помещение больницы, — всё здесь блистало чистотой и дышало каким-то небольшими уютом. Тут росли вечнозелёные тропические растения, ходили улыбающиеся, длинноногие медсёстры, ухоженные, как и декоративные цветы, росшие в красивых кадках, горшках и вазах. “Больницей здесь и не пахнет. Оранжерея какая-то, а не клиника”, — подумал Иван и спросил в регистратуре доктора, фамилия которого была указана на визитке. Из двери приёмного отдела выпорхнула девушка модельной внешности и повела его за собой в глубины оздоровительного комплекса. Поднявшись на лифте, миновав пару коридоров, он оказался в кабинете тет-а-тет с доктором, что внешностью напоминал библейского царя Соломона, а речью — неисправимого пессимиста.

— Ну-с, и с чем вы к нам пожаловали? — задал вопрос доктор.

— Пока только с жалобой, — бодро ответил Иван, но доктор ничуть не изменился в лице, а напротив, стал ещё угрюмее.

— Выкладывайте всё, как есть. А если не секрет, кто вас направил ко мне? — не скрыв своего интереса врач.

— Мой секретарь, — сразу на второй вопрос ответил Иван и назвал имя интересующего объекта и название своей фирмы.

— Ах, да, Анна Сергеевна! Как же помню, помню. Милая женщина. Как она себя нынче чувствует? — Доктор отчего-то повеселел.

— С нею, слава Богу, всё хорошо, — успокоил Иван, — но неважно чувствую себя я, её шеф. Вот она и направила меня к вам.

— Ну что ж, рассказывайте, что с вами случилось, а я буду думать, как вам помочь, — обнадежил доктор.

— Боюсь кушать, доктор. Проглатываю первый кусок, и тут же возникает жжение. Вот здесь, — Иван приложил ладонь руки к животу, — а потом начинается боль. — Доктор поднялся из-за стола, подошёл к окну, глянул за стекло, будто там, где-то в тихом больничном саду и затаилась боль, беспокоящая его пациента, потом обернулся к Ивану, велел раздеться до пояса и лечь на кушетку, что стояла отделённая белой ширмой с другой стороны стола.

Иван улёгся на белую прохладу кушетки, и доктор принялся мять его живот своими очень уж костлявыми пальцами, бесконечно вопрошая: “Больно, больно, больно...” Неприятно было, но только от самой процедуры и холода кушетки под спиной, но боли Иван не чувствовал и отвечал, как есть.

— Интересно, — только и сказал врач после недолгого ощупывания Иванова живота и велел одеваться. Потом он что-то долго писал, изредка поглядывая на пациента и только после этих действий начал задавать вопросы:

— Как вы питаетесь? Что кушаете?

Иван рассказал всё, что знал о своём питании, и доктор удовлетворённо кивал вслед словам этой исповеди головой.

— Итак, любезный, — доктор глянул в карточку, — Иван Александрович, вам надобно срочно лечь в нашу клинику и пройти полное обследование на предмет установления точного диагноза болезни, чтобы потом применить необходимые методы лечения.

— Но вот вчера Анна Сергеевна дала мне выпить какую-то таблетку, и боль исчезла, — возразил Иван.

— Это временное средство, точечное. А надо искать причину боли, чтобы её устранить. Навсегда, — умно ответил доктор.

— Но у меня много дел. Нельзя ли как-нибудь в рабочем порядке, — противился Иван.

— Как-нибудь нельзя и в рабочем порядке тоже. У вас свои методы работы, у нас — свои. И потом — это ваше здоровье, и чем быстрее мы узнаем диагноз, тем оперативнее будет вмешательство.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Иван, совершенно не понимая, над чем он хочет думать.

— Вот вам направление. Не волнуйтесь, весь процесс вашего оздоровления буду курировать лично. За приём рассчитаетесь в регистратуре.

Промучившись ещё долгих два дня, которые раньше пролетали незаметно, а теперь наполнились страхом перед едой и потому тянулись неуверенно и неторопливо, боясь лишних движений тела — чаще стала кружиться голова, — уже оголодавшего и потерявшего аппетит, а вместе с ним интерес к радостям жизни, Иван закончил трудовую неделю и начал размышлять, как провести выходные дни, чтобы обрести душевное равновесие, а с ним и телесное здоровье.

В субботу ранним утром с другом детства и всей другой жизни они отправились на рыбалку. На свежем воздухе, у воды, настроение Ивана улучшилось, но как только из пойманной рыбы сварили уху и открыли бутылку водки, он испугался, предчувствуя окончание этого маленького праздника, который может омрачить боль в теле. На берегу озера, на небольшом столе, в тиши и покое окружающей природы, в котле дымилась наваристая уха, отдельно в большой чашке лежала отварная рыба, овощи, а он никак не мог заставить себя отведать всех этих простых яств. Друг заметил его нерешительность и, закусив выпитую водку, спросил:

— Ты что это, Ваня, сачкуешь, приступай к обязанностям, что на рыбалке святые. Выпивай и закусывай.

Осмелев от этих добрых слов, Иван выпил, водка прокатилась в желудок, отдалась изнутри теплом, но не вызвала ни жжения, ни боли. Он стал осторожно закусывать, почувствовал аппетит и, совсем осмелев, принялся за рыбу, заметно повеселел, а после второго стакана и вовсе забыл о своих былых

мучениях. Однако в дальнейшей дружеской беседе он поведал Сергею (так звали друга) о своих неприятностях, о страхе перед пищей, про клинику и желание доктора уложить его на обследование в стационар. Друг внимательно его осмотрел и только потом высказал свои мысли:

— Вижу, что таишься от всех, но этого делать не нужно. И болезнь загонять в глубь себя тоже не следует. А перемены в себе никуда не спрячешь — похудел, нервничаешь. Жена твоя ко мне приходила, говорит о тебе, о твоих нынешних причудах, а ты всё думаешь, что никто ни о чём не догадывается. Мы с тобой выросли вместе, как братья, почитай, а жена тем более — бок о бок с тобой живёт много лет. Ты ещё думаешь о чём-то, а она уже знает, чего ты хочешь. Обидно ей, будто не доверяешь, который день дома не ешь и всё причины всякие придумываешь. Огорчить боишься? Коли радость вместе, то и горе пополам. А тут и горе, ещё неизвестно — какое; если сейчас выпил, закусил, и ничего не болит, значит, ничего страшного. Бог даст, сама болезнь пройдёт, а нет — ляжешь на обследование. Знай наперёд, мы всегда с тобой! — И Сергей поднял налитый стакан.

Дружеская беседа за ухой и водочкой продолжалась до полуночи, и ничего у Ивана не болело, и страх пропал, и жить хотелось не на шутку, долго и счастливо. Разговор шёл о делах, просто о жизни, женщинах, детях, а потом, наговорившись и насытившись, поднялись от берега озера в дом и легли спать. Но утро не стало продолжением здоровой радости — тошнота подступала к самой глотке, и это была не похмельная тягость, а что-то иное, тайное, зародившееся в теле и требующее платы за всякое неводержание в еде и питье. Сил отлёжаться от желания исторгнуть из себя лишнее не хватило надолго, Иван вышел во двор, его долго рвало, а когда мучительное действие закончилось, он едва поднялся на крыльцо, вошёл в дом, упал на постель и провалился разумом в мутный мир неизвестности. Там жили какие-то люди, угрюмые и неласковые, они что-то недоговаривали, а на вопросы Ивана о будущей жизни отводили взгляд и быстро исчезали. Так и не добившись в ином мире никаких новых познаний, Иван вернулся в реальность, ещё более неясную, чем прежде. Чувствовал он себя неплохо, но тревога, поселившаяся прямо под солнечным сплетением, мешала поверить в будущую деятельную жизнь.

Он выглянул в окно, по берегу озера прогуливался Сергей. “Когда успел подняться?” — подумал Иван и тоже вышел на воздух. На берегу озера стояла девственная тишина, внизу в раннем утреннем времени дремала ровная водная гладь — ни ветерка, ни единого шороха в зарослях камышей. Друзья тоже молчали, бродили туда-сюда по тропинке, проложенной вокруг водного пространства, и казалось, что все желания и чувства окружающего мира притихли, охраняя покой вздымающегося над водой будущего дня. Но вот Сергей повернул свои шаги в сторону дома, входить не стал, а присел на крыльце, и когда Иван подошёл к нему, спросил:

— Домой поедем или как? Тебе что, опять плохо было?

— Да, рвало ночью, — ответил Иван.

— Надо ехать. Дома, в семье решайте, как быть. На неделю я тебя подменю, в моих цехах заместитель справится. Но только на неделю, долго и не думай болеть, производство не терпит остановок, а человеческий организм — тем более. Давай, собираться будем. — Сергей поднялся и пошёл в дом.

Дорога, на которую они вскоре выбрались с просёлка, была пуста, и автомобиль весело помчался вдаль, будто радуясь вольному движению своих колёс. В пути друзья молчали, Сергей включил приёмник, и салон наполнили звуки звонкой итальянской мелодии, нехитрой в исполнении, но приятной для слуха. Хрипловатый голос Челентано рассказывал что-то интересное о красотах Италии с той доверчивой приятцей, что свойственна только итальянской песне, схожей в своей простоте с трелью соловья.

Время в пути пролетело незаметно. На прощание Сергей сказал:

— Если что, звони. Ну, там отвезти, привезти.

— Пока ещё сам могу добраться и убраться. Спасибо, — грустно улыбнулся в ответ Иван, на том и расстались. Дома всё внешне выглядело спокойно, семья встретила его, завтракая в кухне за столом, он присоединился

и выпил чашку чаю с молоком, съел кусочек сыра и, почувствовав тошноту, ушёл в свою комнату отдохнуть. Прилёг и организм перестал волноваться, он незаметно задремал, а когда проснулся, увидел у кровати жену, что сидела в кресле и безотрывно смотрела на него. Иван улыбнулся ей, и это послужило неким сигналом — из глаз жены полились слёзы. Но если для женщины слёзы — благодать облегчения, то мужчине женский плач — будто в сердце нож, тем более, когда причиной этих рыданий является он сам. И пусть он лишь косвенно виноват перед ней, но такая боль была видна на её мокром, беспомощном лице, что Иван поднялся с кровати, встал на колени, прижал всё её содрогающееся тело к своей груди и замер, ничего не говоря, а только целуя глаза, щёки, ощущая солёный вкус горькой тревоги, что поселилась в сердце любящей его женщины. Это его молчаливое откровение успокоило Марину, она немного отстранилась, отёрла слёзы и спросила:

— Что ты решил?

— Завтра поеду в клинику, на обследование. С Серёгой договорились, на работе он меня подменит. Детям пока ничего не говори, — шёпотом проговорил последние слова Иван.

— Они сами обо всём догадываются. Спрашивают, почему папа ничего не ест? Выросли уже, переживают по-взрослому, а ты всё боишься нас испугать. А мы не боимся, когда ты рядом с нами, а если молчишь и боль свою прячешь — нам страшно.

— Думал, как лучше, а получилось... Никто не знает, и болезни вроде нет. Не болел никогда серьёзно, потому и не знаю, как себя вести. Прости, но я не хотел, чтобы ты лишний раз тревожилась. — Иван погладил жену по голове.

— А ты меня не жалеи. Для того я жена и мать, чтобы в тревоге жить, а кончится это чувство непокоя, когда меня не станет, но если душа вечно жива, наверное, и там, в другом мире она будет полна волнений за оставшихся здесь родных людей. И так будет всегда. Тот, кого не заботит судьба своих близких, не достоин называться живым существом, Божьим творением, — ответила Марина.

— Ты что, в Бога веришь? — вопросом прокомментировал последние слова Иван.

— Да, верю. И в храм хожу. Тебе бы тоже не мешало покаяться и причаститься, а уж потом в больницу ложиться, без тягости на душе.

— Ну, что ж, если ты так советуешь, то завтра заеду в церковь, помолюсь, как могу, свечи поставлю.

— Это не моё желание, тебе нужно веру обрести, тогда и страх исчезнет, а с ним и болезнь, — уверенно ответила жена.

День прошёл в разговорах у телевизора, они обеуждали какие-то текущие дела и будущие тоже, заглядывали дети, оповещали о своём присутствии и снова исчезали вместе с запахом здоровой юности. Иван искренне радовался домашнему уюту, открытости всех тайн, блеску в глазах жены и улыбкам на лицах детей. Теперь он осознал свою глупость в желании уединиться от семьи со своей бедой, которая ещё вовсе и не страшна потому, что неясны причины болезни. Скоро, очень скоро завеса с тайны его недомогания спадёт, и всё станет по-прежнему хорошо. Он ещё ничего не знал, но верил в свою семью, друга, себя, а где-то внутри вырастала надежда на необозримость вечности будущего, что и должно определить пути его выздоровления.

Утром, не сомневаясь в правильности поступка, Иван приехал к храму святителя Николая Мирликийского и вошёл внутрь, чтобы выполнить наставления своей жены Марины и успокоить свою мятущуюся душу. В храме было пусто, только горели лампы перед образами святых, да пара благообразно-чистеньких старушек обмахивала пыль у икон в левом приделе. Иван купил свечи, подошёл и преклонился к аналою, к распятию Христа, встал у образа Николая Чудотворца и попросил у него скорого заступничества перед Господом. Божью Мать просил охранить семью, помянул родителей, а на выходе столкнулся с настоятелем, подошёл под благословение и, получив, попросил выслушать его:

— Батюшка, я хотел покаяться и причаститься.

— Сегодня службы нет, но к чему такая спешка? — спросил священник.

— Да, уж так случилось, — Иван рассказал, что привело его в храм.

— Дело серьёзное. Помолитесь у иконы Спасителя, а я сейчас приду, — батюшка ушёл, а Иван трижды прочёл “Отче наш”, встав на колени у ног распятого Христа, а когда поднялся, появился священник с Евангелием в руках, крестом и покрывалом. Внутри Ивана поднялась дрожь, когда он подходил к покаянию, возлагал у вечной книги свечу, а голову — на Святое Писание, потом каялся в малом уважении к почившим родителям, к своей семье, но после не помнил, о чём говорил. К причастию шёл со слезами на глазах, очнулся у поминального стола, где старушка подала ему кусочек хлеба и водички, а потом всё в том же лихорадочном состоянии смутения разума подошёл к аналою, коснулся губами образа Спасителя и, перекрестившись у выхода, покинул храм, продолжая трепетать душою и телом.

В двери здания клиники Иван входил в совершенно спокойном состоянии духа, и даже мысли его были не о болезни, а о будущем отпуске, благодатные дни которого они с женой решили провести на берегах Байкала, и Марина уже отыскала турагентство, что гарантировало комфортный отдых и полноценную культурную программу. Но вот кабинет доктора, и он не знал, что там, за дверьми, думают несколько по-другому, совсем не замечая отвлечённых и потому благих человеческих помыслов о жизни в этом мире. Иван постучался и вошёл. Он заметил, что доктор необычно оживился, пригласил присесть и спросил:

— Значит, решились к нам? Как себя чувствуете?

Иван без утайки рассказал и о поездке на рыбалку, и о твёрдом решении пройти необходимое обследование по поводу своего недомогания.

— Хорошо, хорошо, — одобрил доктор его планы доктор. — Сейчас дам задание медсестре, она приготовит палату. Вам отдельную или на двоих?

— Лучше отдельную. Люблю читать, да и одиночество больше нравится, суеты на службе хватает, — озвучил свои мысли Иван.

— Где служите, если не секрет? — в ответ спросил доктор.

— Какая тут может быть тайна. На мебельной фабрике, в совете директоров, — размыто ответил Иван, не упомянув себя в качестве хозяина одного из крупных сборочных цехов.

— И что, хорошую мебель производите? — интересовался далее доктор.

— Не хуже импортной. Итальянские линии производства, хорошие специалисты, твёрдый спрос на продукцию в ближнем зарубежье, — по-деловому отрапортовал Иван, и тут появилась медсестра и объявила, что палата для приёма больного приготовлена. Слово “больного” резануло слух, не хотелось, едва вошедши в клинику, переходить в разряд калек. Он хотел что-то возразить против такой бесцеремонности, но пришла старая, как мир, мысль, что в чужой монастырь со своим уставом нечего соваться — здесь другие порядки и названия, и звания у людей тоже иные, привычные для царства белых халатов. Так Иван окрестил это тайное для него сообщество врачей, медсестёр, белых стен, халатов и шапочек.

— Покуда отдыхайте, — сказал на прощание доктор, — но уже после обеда вами займутся специалисты. Если что-то вам покажется неприятным в процессе диагностики, звоните прямо мне. Зовут меня Юрий Михайлович. Запишите номер сотового телефона. — Он назвал цифры, и большой покорно записал их череду в телефонную книжку с припиской “Доктор”.

Больница — не родной дом, и в палате, пусть даже самой белоснежной и оборудованной всей новейшей системой жизнеобеспечения, человек чувствует себя неуютно, одиноко, а наличие различных медицинских аппаратов, окружающих тебя на больничном одре и должных при случае поддержать жизнелюбие твоего тела, наоборот, внушают страх разуму неясным назначением своего неустанного присутствия рядом с тобой. В таком окружении чудес цивилизации и поселился Иван, и первое, о чём пожалел, оставшись один в холодных кушах больничного рая, что не захватил с собой ни книг, ни журналов, а вся литература, которую он обнаружил на тумбочке у кровати, прописывала качество лекарственных препаратов, и после беглого просмотра этих красочных проспектов к горлу подступила тошнота, будто он попробовал

на себе действие всех этих чудодейственных средств. Отказавшись от изучения достижений медицинского прогресса, Иван прикрыл глаза и мысленно перенёсся в мир, где обитали здоровые люди.

Мысли Ивана ещё не прониклись присутствием болезни, существующей где-то там внутри тела, он не представлял этого события как свершившегося и не хотел вести разговоров о печальном происшествии в своей жизни, и даже думать об этом не желал. Его чувства не приобрели откровения жалости к себе — сильному, смелому, — не подверглись панике от страха перед неминуемой немощью, что всегда угнетает больного человека и делает его зависимым от болезни, и он становится заложником мыслей о своём недуге. Потому Иван думал о своей жизни так, будто ничего в ней не переменялось, и он по-прежнему участвует во всех её движениях лучшими желаниями и помыслами. Он желал поскорее выбраться из белоснежного царства медицины и продолжать жить за пределами понимания надобности докторов, медсестёр и всех этих хитроумных приспособлений их профессиональной деятельности. Он размышлял о работе, наладке новой сборочной линии, жене, детях и своей причастности к тому миру, в котором было привычно жить.

Но не далее как после обеденного перерыва его стали приучать к местным правилам проживания, совершенно не интересуясь его мнением по поводу надобности всех этих анализов и процедур. Возили в разные кабинеты на каталке, чему он отчаянно противился, говорил, что может передвигаться на собственных ногах, но ему отвечали, мол, здесь так заведено, и они лишь исполняют указания доктора. Врачи и медсёстры действовали автоматически точно, и к вечеру он так устал от их по-хозяйски назойливой, вежливой речи и неустанного желания помощи в простых движениях, что появление в палате родной жены воспринял, как радость узрения ангела-хранителя. Хотя она тоже по необходимости надела белый халат, но её образ не совпадал с безликим населением клиники. Он так обрадовался её приходу, что какие-то чужие, но добрые слова рвались с языка и, долго не останавливаясь, лились речью, совсем не похожей на прежние беседы с женой. Потом он немного успокоился, и они обстоятельно говорили о детях, о будущем семьи и многом другом — старых и новых событиях, из чего и состоит жизнь. Жена ушла только поздним вечером, оставив в палате запах его любимых духов, фрукты, напитки и прочую снедь, которую люди несут в больницу, почему-то считая, что именно эти продукты должны ускорить выздоровление больного. Но главное, что Марина не забыла и принесла газеты и парочку новых художественных журналов с хорошими стихами и прозой, которые он нашёл на их страницах. Иван увлёкся чтением и на время выпал из реалий собственной жизни.

Утром натошак Ивана отвезли в кабинет внутренней диагностики, уложили в некий ящик, похожий на гроб, но сверкающий металлом, попросили закрыть глаза и загнули загруженный его телом аппарат в чёрную пасть какой-то конструкции, напоминающую модернизированную печь крематория. Чудо медицинского обследования называлось томографией и в чём-то заменило знакомый всем рентген, и под его всевидящее око попал Иван. В этом разоблачительном поле зрения его продержали несколько минут в полной темноте, вынули обратно и отвезли в палату, накормили и приказали отдыхать до получения результатов обследования. Он только успел спросить:

— Когда это произойдёт?

— Дня через два, — был ответ.

— А можно подождать дома? — пожелал отпуска больной.

— Нет. Курс лечения уже начат, вы получаете препараты, которые позволяют вам полноценно питаться. Ведь вы уже не испытываете прежних болей при приёме пищи? Это очень важно, дома всё может измениться в худшую сторону.

Иван, конечно, был рад такому событию, боль действительно исчезла, но сказали об этом счастье скучным, казённым голосом, с интонацией, выражающей приказ, потому особой радости от слов доктора он не испытал.

Другие два дня, оставшиеся до получения результатов обследования, Иван бездельничал, предавался чтению литературы, что доставляла жена,

гулял по больничному парку. Погода стояла чудесная — начало лета, — и он бродил меж огромных деревьев, разговаривал с ними, философствовал, и это всё получалось у него удивительно просто, будто в детстве, когда юные силы вводили его из дома в соседнюю с жилым массивом рощу, где с закадычным другом Серёгой они наслаждались пением птиц. Тогда они мечтали, что когда вырастут, то станут музыкантами и будут так же, как соловьи, творить мелодии райской музыки, которую соберутся слушать все жители городка, знакомые и нет, но все будут счастливы от чудесных звуков потому, что сейчас многим не хватает времени просто пройтись по роще и вслушаться в прекрасное пение невидимых птиц. Музыкантами они не стали, но музыку полюбили навсегда, покупали пластинки, записывали магнитофонные кассеты, а позже это были лазерные диски, и слушали, собираясь вдвоём, будто в той роще, под пышным кустом можжевельника.

Когда настал вечер последнего дня перед объявлением результата томографического диагностирования, пришла Марина, принесла фрукты и после недолгого обмена информацией о происшедших во времени переменах вдруг сказала:

— Иван, мне всё это время кажется, что я уже где-то встречалась с этим доктором. Эта бородака разночинца, улыбка отпетого негодяя и взгляд, всепроникающий и отдающийся холодным ознобом в спине, особенно когда он смотрит тебе вслед.

— Брось ты, Марина, доктора — они все на одно лицо. Привычка к человеческой боли порождает необходимый цинизм, как защитное средство от желания поскорее бросить эту работу и укрыться где-нибудь в лесу, чтобы не видеть слёз и глаз людей, вопиющих к тебе о помощи. Добрые, милосердные люди редко идут работать врачами, а если и становятся вдруг хирургами или, того хуже, онкологами, то очень скоро бегут... в провизоры, как моя жена. Потому, что она и есть само милосердие, — перевёл философию в юмор Иван.

— Не знаю, не знаю, но доктор этот мне знаком, — осталась при своём мнении Марина. — Ваня, ты только не обижайся, но я хочу спросить: завтра мне обязательно нужно присутствовать на этом самом консилиуме врачей, что соберутся по поводу определения причины твоего недомогания? Я так боюсь, а вот чего, не знаю сама.

— Ни в коем случае. Я сам тебе хотел об этом сказать. Справлюсь. Всё будет хорошо. А теперь иди, займись чем-нибудь, испеки большущий пирог с рыбой, а то я завтра вернусь домой, а есть нечего. — И он нежно прикоснулся губами к её лбу.

На следующий день около десяти часов утра его пригласили к доктору, где Иван ожидал увидеть толпу из светил медицины, но врач был один, видимо, консилиум состоялся без присутствия пациента. Некоторое время они смотрели друг на друга: доктор — изучающе, Иван — в ожидании, с надеждой. Потом между ними произошёл диалог, где вначале главенствовали слова доктора, но потом инициативу перехватил пациент:

— Иван Александрович, не хотел бы вас огорчать, но вы взрослый и умный человек и поймёте меня правильно, — начал с похвал разуму Ивана доктор. — К сожалению, у вас обнаружена опухоль на стыке пищевода и желудка. Задеты сразу два жизненно важных органа. Опухоль, к несчастью, недоброкачественная.

— У меня рак? — спросил Иван, перебив витиеватую речь врача.

— Да, так эту болезнь называют в народе. — Доктор резко отделил слушателей Гиппократов от других людей.

— Сколько мне осталось жить? — в упор задал вопрос больной.

— Так вопросы не решаются. Оперировать поздно, но продлить дни вашей жизни можно: несколько сеансов химиотерапии, и вы продержитесь ещё довольно долго.

— Но это будет полноценная жизнь или существование некоего полутрупа? — опять спросил Иван.

— Мы всегда рядом и будем готовы помочь вам. Правда, иногда придётся недельку-другую полежать в стационаре. Укрепить организм. Лечение, конечно, недешёвое, но другого выхода у нас нет.

— У кого это “у нас”? — речь Ивана задышала огнём.

— У нас, у всех. — Доктор абстрактно повёл рукою вокруг. — Мы продлим ваши дни в этой жизни, а вы нам за это заплатите.

— У вас здесь что, магазин? Вы предлагаете купить некий отрезок существования, жизни неизвестно какого сорта, а я должен платить за это туманное будущее. Вы мне можете обещать десять лет полноценной жизни? Если да, я оплачиваю каждый день по вашему счёту.

— Такого вам никто не может обещать, — занервничал доктор.

— Тогда зачем весь этот торг? Предлагаете неизвестный срок какого-то будущего, как товар неясного качества. Но я не хочу тратить средства на бесполезный отрезок будущей жизни. Я отказываюсь от лечения.

— Вы твёрдо решили?

— Да.

Доктор попросил написать расписку об отказе от лечения, ещё раз взглянул на него, будто на какое-то своё несбывшееся желание и отпустил.

Через полчаса Иван был дома, благо машина всё это время ждала хозяина на стоянке у больницы. Дом был пуст, и ещё некоторое время, находясь в состоянии крайнего возбуждения, он продолжал разговор с доктором, как ему казалось, только начатый в клинике, придумывая всё новые и новые злые слова для определения самой высшей меры безнравственности, озвученной в предложении доктора, осуждающие все условия несостоявшегося торга. Потом, немного успокоившись, он напился чаю с тем самым пирогом, что заказывал испечь жене, и только поднялся из-за стола, как хлопнула дверь и влетела Марина, упала ему на грудь и разрыдалась. Иван гладил жену по голове, спине, но какие слова утешения надобно говорить в этом случае, он не знал. Он всё ещё не понимал, что умереть скоро должен сам Иван Заводьев, то есть муж этой женщины, что плачет, уткнувшись в его грудь, боясь поднять лицо и взглянуть в глаза потенциальному покойнику. Он не считал себя таковым и потому не предполагал, что плачут именно о нём, и о ком можно так горько рыдать, тоже не понимал. Иван сдерживал своими ещё очень сильными руками трясущееся тело жены и думал, что вот так же точно Марина плакала после первой ночи, проведённой с ним, когда безвозвратно потеряла девичью невинность. Но тогда он, как мог, успокаивал её и всё повторял, что обязательно женится на ней и, если она захочет, завтра можно подать заявление в загс, их сразу же расшлют, потому, что они любят друг друга. Но сейчас Иван не знал, как унять эти горькие женские рыдания, в которых чувствовалась безнадежность исхода от беды, уже наполовину заполнившей этот дом.

Дальнейшие события показали, что семья испытывает самые искренние чувства от пришествия в дом неожиданного горя. Жена и дети окружили Ивана такой заботой, что это их сочувствие его болезни обещало совершенно беззаботный уход его души в мир иной. Такое непривычное участие напугало, умирать не хотелось, и потому он просил своих близких не обращать на него внимания, а ещё меньше — на саму болезнь. Иван ходил на работу, ловил на себе мучительно-жалостливые взгляды сослуживцев, но, будучи человеком мужественным, старался не думать о скором фатальном выходе из жизни. Только друг Серёга никак не реагировал на разговоры о болезни Ивана, приглашал его домой послушать музыку, выпить по рюмке чаю и ни разу не спросил, как себя чувствует друг.

Однажды глухой и какой-то особенно тёмной ночью, лёжа в постели без сна, Иван вдруг осознал, что он эгоист и что смерть не должна напоминать живым людям о своём присутствии на земле. Люди не должны видеть рядом постепенно разлагающееся существо, внимать ему и содрогаться при мысли о том, что может случиться сейчас, через час и даже пусть немного позже, но это обязательно должно произойти. Он понял, что наполняет пространство вокруг себя смертельным страхом. И он принял решение — исчезнуть.

Наутро следующего дня, находясь в конторе своей фирмы, он поручил юристу перевести акции предприятия, принадлежащие лично ему, на имя жены Марины. Это послужило началом ухода, нет, не из жизни — от людей, благородное человеческое желание избавить окружающих от присутствия

смерти. В этот же день Иван встретился с другом Сергеем и попросил помочь в предстоящем нелёгком разговоре с женой, а потом неожиданно попросил: — Серёга, продай мне тот дом у озера. Ты всё равно там редко бываешь. А я там буду жить — сколько проживу.

— Иван, ты думаешь, о чём говоришь? Продай... Подарить могу, хочешь, сейчас поедem к нотариусу и оформим дарственную — только живи.

— Ну-ну, — похлопал друга по плечу Иван, — рано меня ещё оплакивать. Буду сопротивляться, пока хватит сил. Будем жить, Серёга. Просто мне надо подумать о многом, а заодно и о том, как остаться с вами на долгие годы. Я этого очень хочу.

Иван опасался разговора с женой, но он должен состояться, независимо от его желания, и не трусость присутствовала здесь, в этой боязни (что может испугать человека, стоящего у порога другого мира, может, лучшего, а скорее, неизвестного!), он не хотел видеть слёзы в глазах Марины и содрогался от знания того, что это не последние горькие проводы. Помог друг Серёга — через слёзы, несогласие с решением мужа, он сумел убедить Марину, что на природе, на вольном воздухе скорее придёт выздоровление. Почему это оздоровление должно произойти, никто не знал, но любящие Ивана люди верили в такой исход непонятной болезни. Верил и сам Иван. И поверил ещё больше после слов жены:

— Иван, я не верю этому доктору. Я его узнала. Это он посылал меня на аборт, когда я носила Володю. Он обманывает людей, а значит, хочет обмануть и тебя. Не верю, не верю! — Жена обтёрла полотенцем мокрое от слёз лицо и совершенно спокойно пошла собирать вещи.

Уже в дороге вспомнилась давняя история с абортom, о которой говорила жена. Забеременев вторым ребёнком, Марина отправилась в женскую консультацию. Как водится, сдала анализы, но когда пришла узнать результаты, её пригласил врач и сказал, что дела её плохи — плод подвержен необратимой патологии. Марина вернулась домой в слезах, но с твёрдым желанием — рожать, невзирая на угрозы со стороны медицины. Она больше не ходила в поликлинику, а когда пришло время родов, уехала в другой город, к своей давней подруге по институту, которая в то время заведовала родильным отделением ташкинской больницы, где благополучно разродилась здоровым младенцем мужского пола. Она была так рада этому происшествию, что простила местных врачей их ошибку. Но вот теперь оказалось, что не совсем она, эта докторская ошибка, была позабыта.

Теперь уже больше месяца Иван жил отшельником в доме на берегу чудного озера с названием Камышовое. Так называли эту залитую в земную чашу живую водную стихию, обрамлённую по краям зарослями камыша, жители деревни, что находится неподалёку. Иван обосновался в доме друга и даже завёл собаку, что сама прибилась к жилищу, да так и осталась жить здесь, скрашивая одиночество человека, который по доброте своей приветил животное, кормил и беседовал с ней в отсутствие других слушателей. Собака, которую он назвал Альфой (как первую в новой жизни), вначале всюду следовала за ним, первой забиралась в лодку и лежала на дне, не поднимая головы, пока хозяин рыбачил или просто совершал прогулку по озеру, но потом вдруг перестала сопровождать его, оставалась дома, в своей сколоченной Иваном будке, всем своим видом показывая, что охрана дома и есть её основная собачья служба. Хозяин не протестовал против такого собачьего решения — дом не должен оставаться пустым в его отсутствие, а отлучался он часто: ходил в деревню купить молока, хлеба, катался в лодке по озеру, рыбачил, брал в лесу ягоду. Болезнь не сильно его донимала, трудно было сделать первый глоток молока и проглотить кусок хлеба, а потом боль успокаивалась, и он оставался жив, хотя питался только хлебом и молоком, добавляя в рацион варёную рыбу и лесную ягоду. Жизнь продолжалась, и он был доволен этим малым счастьем и улыбался новому дню, шуму камыша, разноголосому крику птиц, налетавших к озеру рыбачить, собачьим глазам, преданно глядевшим ему в лицо, и многим другим чудесам, что бываюТ и происходят всюду, но часто остаются нами не замеченными в суете городов и вдруг становятся искренней радостью одиночества среди живой природы.

Сегодня он долго бороздил вёслами воды озера, потом, причалив, сидел в лодке, тяжело думая о неясности событий, происходящих с ним, о болезни: если она есть, почему не прогрессирует? Утомился, но заставил себя подняться и пошёл в дом, и увидел, как за деревьями в лесу мелькнуло что-то, похожее на силуэт человека, но меньшего размера, детского. Иван уже не впервые замечал такое мелькание, и ему казалось, что кто-то ведёт наблюдение за его жизнью здесь. Он ходил и осматривал опушку леса, но никаких признаков присутствия человека не находилось. Его это мало тревожило, и он справедливо считал, что взять с больного, одинокого жителя этого захолустья нечего, а причина чьего-то перемещения в лесу выяснится сама собой.

Покормив собаку, Иван вернулся в дом и, сняв обувь, прилёг на кровать отдохнуть от долгой прогулки, изрядно намахавшись вёслами. В несовершенном дремотном сне ему виделась пустыня, он брёл по песку неизвестно в какие дали и желал только одного: где-нибудь остановиться и прилечь. Оазис появился, будто из-под земли, здесь росли мандариновые деревья, и обильные плоды клонили их ветви долу. Среди деревьев бил родник и наполнял водою небольшое озеро в низине. Иван напился студёной чистой воды и присел, прижавшись спиной к стволу дерева, но тут стали падать ярко-жёлтые мандарины, громко стуча о землю, голову, воду ручья. Проснувшись от этого стука, Иван не сразу понял, что стучат в окно дома, дальше от крыльца, куда привязь не даёт подойти собаке, злое рычание которой слышалось во дворе. Он поднялся и выглянул в окно — на дворе стоял мужчина высокого роста и, широко улыбаясь, как бы просил хозяина выйти из дому.

Иван вышел, цыкнул на собаку и огляделся. Неподальку стояла запылённая, потрёпанная “Нива” — надёжный транспорт охотников и рыболовов, возле неё двое мужиков, а один, что стучал в окно, шёл к нему.

— Хозяин, можно тут у вас порыбачить? — спросил он на ходу.

— Можно, если удочки есть, — ответил Иван.

— Есть. А лодку можно взять? — опять спросил он.

— И лодку можно. Только осторожно, не перевернитесь, посудина ветхая, и спасать вас здесь некому, — предупредил Иван.

— Уж постараемся. А вы что, один здесь живёте? — вопросительно глянул по сторонам проситель.

— Не совсем один, собака тоже душа живая.

Пёс в подтверждение слов хозяина вышел из будки и добродушно взлаял.

— Ну, тогда мы пошли, — и мужчина отошёл к машине. Рыбаки вынули снасти и направились к берегу озера. Иван тоже подошёл ближе, но вниз спускаться не стал, а наблюдал сверху, как ловко мужики управляют с лодкой, отчаливают и, в душе пожелав им удачного клёва и лова, вернулся в дом. Надо было ждать, когда вернутся мужики с рыбалки, может быть, им ещё что-нибудь понадобится, и удастся перекинуться словом, а возможно, и беседа получится. Нельзя сказать, что Иван сильно скучал без общества людей, но поговорить хотелось, а мужики, как он их определил, были нормальные — без хамских замашек и нынешних блатных выкрутасов. Не нувориши, а обычные люди, решившие немного отдохнуть на природе. Иван подошёл к полкам, на которых стояли книги, что недавно привёз друг Серёга, выбрал “Дар” Набокова и, присев в кресло, начал читать, и сразу же растворился в распахнутом к читателю мире изящной словесности, прекрасного сплетения набоковского слога, из которого состоят объёмные, длинные предложения, где начало и окончание означают уже совершенно различное действие. Он так увлёкся чтением, что не заметил, как день стал клониться к закату, а когда в окно вновь постучали, подумал: “Уж больно быстро вернулись мои рыбаки. Не ловится, видно, рыба”.

Заложив меж страницами карандаш, отправился встречать мужиков. Гости складывали снасти в багажник машины. Иван подошёл к ним и спросил:

— А рыба-то где?

— В лодке осталась. Не найдётся ли котла, хозяин, ушницу сварить?

— Найдётся. Вы несите рыбу, чистите, а я огонь разведу и воду поставлю греть. — Гостеприимный хозяин ушёл в дом. Дело заспорилось — мужи-

ки разделявали пойманную рыбу, а Иван развёл огонь, подвесил к нему котелок с водой, и разговор затеялся сам собой:

— Решили в кои веки отдохнуть от работы, от семьи — рыбки половить.

Высокий назвался Алексеем, круглолицый и плотный, как боксёрская груша, — Виталием, худощавый очкарик — Олегом. Иван спросил гостей, мол, надолго ли в эти края?

— Пару дней можем побывать. Только с ночлегом не знаем, как сподобиться. Двое в машине, а вот третьего куда девать? — И двое взглянули в сторону очкарика, что усердно ломал хворост и не слышал их слов.

— Ночуйте в доме. На двоих есть диван, кресло раскидывается. Места хватит. — Иван был рад решению рыбаков остаться погостить у него.

Поспела уха. Иван не поскупился, добавил картошки, луку, специи, и чудный запах вкусной еды взволновал воздух озёрного приволья и ноздри людей, сидевших за самодельным дощатым столом, тумбы ножек которого навсегда были вкопаны в землю. Уха была подана на стол хозяином дома, мужики вынули из багажника машины свои припасы: сало, хлеб, овощи. Вскоре стол был сервирован чисто по-деревенски — крупными ломтями порезанный хлеб, овощи, котёл с ухой взгромоздился в середине стола, рыба, целиком сваренная, дымилась в большой железной чашке, появились бутылки с водкой, коньяком и минеральной водой. Разнокалиберных чашек в самый раз хватило на всех участников пира. Иван разлил в чашки уху, а Алексей водку по стаканам и произнёс тост, приближённый к действительности:

— За доброго хозяина!

Все выпили, однако Иван не решился последовать их примеру, а начал осторожно хлебать уху.

— Хозяин-то наш почему не пьёт? — поинтересовался очкарик, внимательно взглянув на Ивана.

— Болею, — просто ответил Иван.

— И что за недуг не даёт вам радоваться жизни? — не отступал Олег.

— Рак, — в упор ответил хозяин.

За столом наступила тишина, челюсти перестали двигаться, ложки замерли, повиснув в воздухе на полпути от чашки ко рту. И только очкарик Олег не ступевался и снова спросил:

— А чего рак?

— Пищевода и желудка, — спокойно ответил Иван.

— И давно вы с этой болезнью живёте? Я случайно врач-терапевт и интересуюсь чисто профессионально. — Олег, не отводя взгляда, рассматривал больного.

— Уже больше месяца, как болезнь определили. Бросил всё и уехал в надежде жить или умереть, не доставляя никому хлопот.

— Второй месяц, говорите. Такого не может быть. Столь долго больные раком пищевода не живут. Химию делали или ещё там что-то?

— Нет, я отказался от лечения. Не вижу надобности в продлении неполноценной жизни, — ответил Иван. — Давайте есть. Зря мы затеяли этот разговор за обедом.

— Нет, не зря, — твёрдо объявил терапевт. — Как вы себя чувствуете, и что вам мешает жить?

— Чувствую себя нормально. Когда начинаю есть, делаю первый глоток, возникает боль. Вот здесь. — Иван показал месторасположение неприятного ощущения. — А потом проходит. Ем немного — молоко, хлеб, рыбу. Боязно приступать к еде, но терплю и жду, что будет дальше, но никаких изменений с начала болезни не чувствую.

— Давайте оставим этот разговор, но отвечаю за свои слова — это не рак, что-то другое, но не смертельная болезнь. Мы с вами, Иван, завтра обсудим все эти дела в деталях. Я работаю врачом в простой поликлинике, но опыт и знания имею и постараюсь вам помочь. Ваше здоровье! — Олег поднял стакан с водкой.

От сна хозяин дома поднялся поздно и, обнаружив, что гостей нет, вышел на двор, машина стояла на месте: “На утреннюю поклёвку решили попасть.

Раз решили рыбачить, то время нельзя терять”, — подумал он. Вспомнил, что пожаловался Олегу на плохой сон и дурные сновидения, и тот принёс ему из машины таблетку и, наверное, потому он проспал сбирание и уход мужиков на рыбалку. Снов тоже никаких не привиделось, и чувствовал он себя бодро и как-то более уверенно, чем всегда. Отправился к берегу встречать рыбаков — солнце всходило, а значит, кончался утренний клёв, и мужики, должно быть, уже возвращаются. Присел на камень у самого берега и стал вглядываться вдаль, где нарождался новый день; лучи солнца золотили озёрную водную гладь, а камыш недовольно шумел, преодолевая дремоту, которую разгонял лёгкий ветерок. На рыбалку вылетела стая птиц, и они начали кружить над водою, высматривая добычу на завтрак. Из зарослей камыша степенно, будто малые суда на морском параде, выплыла утка с выводком утят, громко крякая и оглядываясь на детишек, боясь растерять их в пути. Чинным строем они пробороzdили небольшое расстояние на тихой воде и исчезли в камышах. Ветер вдруг посвежел, подул смелее, гребешками вспенил воду озера, и Иван, почувствовав зябкость от этого прохладного дуновения, пошёл к дому.

Подошедши к самому крыльцу, он заметил, что собака чем-то встревожена, но не лает, а взглядом показывает в сторону леса. Он тоже взглянул туда и увидел девочку, одетую в тёмное платье и повязанную платком. На вид ей было лет десять, она сидела на пне когда-то спиленной сосны, на котором он и сам любил сидеть после прогулок по лесу или сбора ягод. Иван было направился к ней, но не успел пройти и половину пути, как девочка поднялась и исчезла в лесу. “Лесная нимфа, — подумал он. — Чудеса начинаются”, — отчего-то пришло в голову. Но особого значения этому случаю не придавал, не спеша накормил Альфу и стал думать, что приготовить гостям на завтрак. От вчерашнего пиршества осталась варёная рыба, немного овощей, кусок колбасы, но ему хотелось угостить рыбаков чем-нибудь от себя, от души. Когда располагаешь малыми средствами для исполнения своих желаний, решение приходит быстро. Иван набил в большую сковородку яиц, залил молоком, тщательно перемешал, развёл костерок и начал готовить своё любимое утреннее блюдо — омлет.

Когда гости позавтракали, Олег встал из-за стола, взял хозяина под руку и увёл в дом.

— Какие мысли вас тревожат? — спросил врач совсем не о болезни.

— О семье, детях, работе, как там это всё без меня, — ответил Иван.

— А о смерти вы думаете или нет? — обозначил направление вопроса Олег.

— Нет, думаю только о жизни, её продолжении, — высказал свои надежды Иван.

— Это очень хорошо. — Олег смотрел на хозяина оцупывающим взглядом врача. — В какой клинике обследовались, у какого врача, фамилию помните? — Иван назвал адрес клиники, имя и отчество врача, но фамилию не вспомнил.

— Достаточно. Я его знаю. Скажу вам одно — это не первая ошибка диагностиков в этой клинике, а потому у нас есть надежда излечиться от болезни, которую надо точно определить. — Олег подал Ивану визитку и попросил не затягивать время для посещения больницы.

Гости уехали только к вечеру следующего дня, и Иван всё это время сутеллся, стараясь угодить добрым людям, вдохнувшим в него надежду на исцеление от теперь уже неведомого недуга. У него будто выросли крылья — он ходил в деревню, где, не торгуясь, покупал хорошие продукты: деревенское сало, ошипанную у него на глазах курочку, чистый, как слеза, самогон и прочие простые, но вкусные и полезные яства. Снова и снова варил уху и потчевал своих гостей, будто они были его самыми близкими родственниками. Когда они уезжали, он сложил в багажник оставшуюся рыбу, обнял каждого из них и просил приезжать, не церемонясь, в любое время. На том и расстались.

На неделе Иван должен был посетить больницу, где врачом-терапевтом работал Олег, но судьба распорядилась по-своему. Утром, едва вернувшись от сна в реальную жизнь, Иван вышел на крыльцо и тут же снова увидел

девочку, сидящую на пне. Он решительно направился в её сторону, но девочка встала и пошла к лесу. Она двигалась не очень быстро и, как показалось, махнула рукой, предлагая Ивану следовать за ней, что он и сделал. Не теряя ориентира своего движения — маленькую тёмную фигурку девочки, — он вдруг обнаружил в лесу хорошо приметную тропу, по которой и уходила его проводница. Лес был им изучен уже довольно хорошо, но этой утоптанной дорожки Иван раньше не замечал, а начиналась она сразу за опушкой леса и петляла меж вековыми деревьями, и не зная об этом пути куда-то вглубь таёжных дебрей было нельзя, проживая рядом и обходя лесные уголья чуть не каждый день. Но тропа была, и по ней уходила неизвестная девочка, оборачиваясь, точно следила, чтобы ведомый ею человек не заблудился в лесу. После получасового пути перед Иваном открылась совершенно неожиданная панорама — деревня, состоящая из бревенчатых изб, тесовых ворот и таких же заплотов. Всё, увиденное прямо перед собою, — деревня лежала в низине у реки, что несла свои воды в долине, свободной от лесного массива, — представило удивлённому взгляду жилища людей из далёкого прошлого русских лесных поселений. “Окраины старой Москвы”, — вспомнил Иван о книге, в которой рассказывалось про жизнь московского люда середины семнадцатого века и были запечатлены дома, точно такие, какие он видел сейчас. Между тем девочка спустилась к реке и пошла по единственной деревенской улице между домов, которых насчитывалось, на скорый взгляд, около 50–60 дворов, и он поспешил за ней.

В конце улицы девочка повернула к воротам одного из домов и, повернув кольцо на калитке, вошла во двор. Иван хотел последовать за ней, но дверь захлопнулась, и он остался один на пустынной улице. Дома тоже хранили молчание, но, несомненно, в них жили люди — резные ворота и заборы были изукрашены зелёной и белой красками, а перед входом в калитку каждого жилища песком была насыпана дорожка, и потом, когда Иван на подходе сюда оглядывал деревню с верховья, то видел, что в низине у реки, на заливном лугу пасётся домашний скот — коровы, овцы. До выяснения причины своего присутствия здесь он стал прогуливаться у ворот дома, куда скрылась девочка, ожидая чего-то незнаемого, чему должно случиться в скором времени.

Иван успел пройти по улице, рассмотреть узоры на воротах домов: от самих жилищ за высокими заборами были видны только крытые тёмом крыши. Резьба и окраска, и даже металлические кольца, вдетые в калитках для открывания дверей, отличались от соседних, и, пройдя половину улицы, он не нашёл ни единого схожего рисунка. Каждый хозяин метил свои ворота резьбой и окраской, отличной от соседних оград. Над воротами высилась неширокая продольная крыша, которая, наверное, сберегала шедевры разнообразного народного искусства от посягательств дождя и снега. Знаков, обозначающих название улицы, и номеров домов не обнаружилось, и как звалась сама деревня, тоже было неизвестно. “Давненько я не бывал в незнакомой деревеньке, на безымянной улице”, — подумал Иван, и тут распахнулась калитка дома, где пропала девочка, и оттуда вышла женщина, повязанная тёмным платком так, что видны были только глаза и нижняя часть лица. Глаза пытливо смотрели на Ивана, губы были плотно сжаты, а лицо разливалось свет душевного покоя. Фигуру женщины, её руки и даже обувь скрывал наряд из тёмной одежды покроя времён царя Алексея Михайловича Тишайшего, известных Ивану опять же по книгам. Когда Иван приблизился, женщина сказала: “Ну, заходи, коли пришёл”, — и пошла впереди гостя.

Двор, где стоял дом, был обнесён таким же высоким заплотом, как и со стороны улицы. По двору бродили куры, у своей будки лежала белая лохматая собака, но не залаяла, а только чуть приподняла голову, взглянула на незнакомца и снова положила голову на лапы, однако не теряя гостя из виду. Женщина взойшла на высокое крыльцо и отворила дверь в дом, приглашая Ивана войти. В комнате, куда они вошли после прихожей-сеней, стоял круглый стол, покрытый самотканой скатертью с кистями по подолу, лавки у стен, иконостас в красном углу с зажжённой лампадой перед святыми ликами, высвеченными на литых иконах. Справа от входа — русская

печь, занимающая четверть комнаты, — вся эта обстановка была для Ивана внове, и он замешкался у порога, оглядываясь вокруг. Хозяйка присела на лавку и ждала, покуда гость осмотрится. Из всех этих атрибутов прошлой жизни Иван помнил только печь, в которой его бабушка пекла очень вкусные пироги и готовила ещё много разных кушаний, и сама спала на лежанке, куда пускала погреться и внуков. Он прикрыл дверь и хотел было пройти в глубь жилища, но хозяйка остановила его: “Лоб-то пошто не крестишь? Али совсем в своих городах одичали?” Иван трижды перекрестился на иконстас, поклонился Спасителю и святым отцам и сел на лавку напротив хозяйки, не зная, зачем его позвали и какой разговор может здесь произойти. Хозяйка избавила Ивана от стеснительной неуверенности в надобности его присутствия здесь и заговорила первой:

— Чего это ты один мыкаешься там, на берегу? Почитай, дён сорок прошло, а ты всё никуда не торопишься. Поди, семья есть, дети?

— Есть. И семья, и дети. Заболел вот и уехал сюда, вроде как помирать, но Бог смерти не даёт. А уехал сюда потому, что не хочу мешать живым жить, — ответил Иван, не глядя женщине в глаза.

— И что, жена, дети так и отпустили тебя сюда помирать? — хотела дознаться хозяйка.

— Нет, со слезами, уговорами, но я сам настоял и упросил отпустить, — честно признался гость.

— Ну, ежели всё так по-доброму, как говоришь, то спрошу — болит-то чего? — хозяйка сложила руки на коленях, приготовляясь слушать.

Иван коротко поведал свою историю болезни и завершил её словами:

— В больнице всего просмотрели, просветили — определили рак, хотели лечить, но я отказался. Лучше умереть вовремя, чем жить непонятно зачем.

— Господу ведомо — сколько нам жить и зачем. Мне уже девяносто скоро, а живу, Богу молось, правнуков нянчу, не ропщу на жизнь. Непохож ты на скорого покойника, исхудал, правда, голодом живёшь, моришь себя, — точно определила меру его бытия женщина.

— Боюсь есть. Начинаю, и боль приходит. Хлеб да молоко — вся моя еда, — пожаловался гость.

— Попробую тебе помочь. Мужик ты смиренный, не богохульствуешь, семьянин и детей своих, видать, крепко любишь, что не стал им своей немощью досаждать, — рассуждала хозяйка. — Только вот что скажу: не болезни надобно бояться, а грехов своих и Бога, гнева Его. А врачи, они только то и ведают, что Господь им знать дозволяет. Молитву-то знаешь какую?

— “Отче наш” знаю. Бабушка в детстве учила, и креститься тоже, — сознался Иван.

Женщина поднялась, подошла к гостю и положила ему руки на голову:

— Закрой глаза и молчи, — сказала она и зашептала слова, знакомые где-то в глубине души, но плохо понимаемые разумом. Процедура заговора продолжалась минут пятнадцать-двадцать, но за эти мгновения в памяти Ивана пронеслись многие события жизни — радостное детство, с нередким непослушанием и покаянием от страха наказания хлестким отцовским ремнём, страсти и неразбериха юношеского возраста, когда влюблённость казалась смыслом жизни, и уже взрослая жизнь в суете и желании жить не хуже других. Прошлое оторвалось от него нынешнего и уносилось куда-то вдаль, оставляя его один на один с чем-то необъяснимым — сознанием могущества сил, неподвластных притяжению земного бытия.

Когда женщина отняла свои руки от его головы, Иван очнулся, будто от сна, так ему показалось, и он сразу спросил:

— Я что, уснул?

— Не знаю. Твоего покоя не ведаю, а вот душевный покой надобно обрести, чтобы болезнь изгнать. Дам тебе настой семи-семисот трав, будешь пить один глоток каждый раз перед едой, но сразу еду не вкушай, подожди, покуда зелье утробы к приему пищи приготовит. И молись. Встал от сна — твори молитву, сел за стол — твори молитву, пошёл из дому — твори молитву и так везде и всюду, как принимаешься за дело — твори молитву. Образ-то есть какой?

— Какой образ? Икона, что ли? Нет, нету. Дома есть, а здесь нет, — Иван отвечал кратко, будто чего-то испугался. Женщина отошла к сундуку, стоящему под иконостасом, сдёрнула с кованой его поверхности покрывало, открыла крышку и, покопавшись, извлекла из его глубин мешочек с чем-то тяжёлым и квадратным по форме. Развязав на мешке тесьму, достала несколько литых икон разного размера и положила на стол. Выбрала большую из них, завернула в чистую белую тряпицу и подала Ивану:

— Образ святой Троицы — храни его, молись и никому не передавай. Эта икона намолена нашими отцами, лет ей много — века.

— А вы кто будете? — решил определиться Иван.

— Старообрядцы мы. Как ушли сюда при Никоне-антихристе, так здесь и живём, — женщина вздохнула, видимо, вспомнив о тех испытаниях, что выпали на долю приверженцев старой веры.

— Люди-то где все? Деревня как будто пустая, — любопытствовал Иван.

— Время пришло собирать плоды труда своего. Все в поле: и стар, и млад. Там и ночуют. Люди наши робят, а мы с Феткой, — она показала глазами на девочку, смиренно сидевшую в углу на лавке, — за стариками немощными приглядываем и за домами смотрим.

— Чем живёте? — не верил Иван.

— Чем Бог пошлёт. Земля родит, скота у нас много, мельница есть вверху на реке, крупорушка, пчёлы мёд дают. Сами себя обихаживаем. Ты, как уйдёшь, никому о нас не рассказывай, сам приходи, но никого не приводи. При Советах нас долго мытарили, а теперь забыли, слава Богу. Таперица ступай с Богом. Молиться не забывай и тверди в каждый час: Господи, помилуй. Он и помилует. Верь в Господа, и Он не забудет тебя своей милостью. — И женщина пошла к двери. На выходе со двора он окликнул её:

— А зовут-то вас как?

— Марфа, Божьей милостью, — промолвила женщина, отворяя калитку.

Они вышли на улицу, Марфа перекрестила Ивана и ушла в дом, а он, сопровождаемый девочкой Фетой, придерживал у груди деревянную посудину с лекарством и образ Святой Троицы, а левую руку его доверчиво взяла в свою ладошку маленькая проводница. Снова вышли на лесную тропу и скоро оказались на опушке леса (дорога домой всегда ближе и скорее), откуда дом у озера казался похожим на большой гриб, выросший здесь обособленно и забытый всеми, высохший на солнце, но от этого ставший только крепче, жизнеспособней и притягательней. Иван пригласил Фету к себе в гости, но она отказалась, поразив звонким тембром певучего голоса, который он впервые услышал:

— Бабуля не велит. Я уж пойду. Попрошусь у бабушки, ежели разрешат, тогда зайду.

— Но как она узнает? Я ей про это ничего не скажу, — ему очень хотелось приветить девочку у себя дома и что-нибудь подарить.

— Боженьке всё знамо. Его не обманешь, — тихо сказала Фета, низко опустив голову.

— Да-да, конечно, — заторопился от неловкости разговора Иван, где он — взрослый человек — как бы поменялся местами с маленькой девочкой, которая в понимании нравственности поступка превосходила его разум. Иван направился к дому, а когда оглянулся, то девочки уже не было видно.

Время близилось к обеду, Иван осторожно открыл крышку деревянного жбана и сделал хороший глоток настоя, как оказалось, очень горького, затем приготовил еду — налил в кружку молока, отрезал ломоть хлеба и, вспомнив наставления Марфы, установил икону на книжной полке, прочитал молитву, попросил благословения во имя Отца и Сына, присел к столу. Голод давал себя знать, он ушёл в лес, не позавтракав, но всё же немного подождал по совету знахарки, потом откусил хлеба и, запив молоком, стал жадно отторжения пищи, но в желудке что-то всколыхнулось — не болью, а каким-то страхом напоминания о ней, потом стихло, и Иван спокойно продолжил трапезу. По окончании обеда он поблагодарил Господа за хлеб и соль, что был дан Его милостью и, взяв с полки книгу рассказов Паустовского, уселся в кресло.

Иван любил этого писателя за его житейскую мудрость, необычное восприятие окружающего мира, а главное — за умелое воспроизведение своих творческих замыслов на страницах книг. Повествования писателя можно было читать и тут же перечитывать, и находить всё новые и новые зёрна мудрости в историях, изложенных изящным слогом русского языка, поражающих своей простотой и в то же время загадочностью сюжета, где окончание рассказа никак нельзя угадать в начале повествования. Он выбрал рассказ “Корзина с еловыми шишками” и углубился в чтение, вновь переживая в музыке Грига радость девушки, что внезапно узнала в гениальном вдохновении композитора посвящение самой себе, их давней встрече в лесу, забытой, но вновь выросшей в памяти со звуками мелодии, исполненной оркестром в её честь.

Неделя прошла без каких-либо серьёзных событий — Иван жил без всяких расписаний и схем, рыбачил, ходил в деревню, но теперь в его разум вошла молитва, и он вначале, как старательный ученик, твердил её, будто домашнее задание, но чуть позже пришло некое понимание разумных слов, вопиющих к Господу, и каждое предстояние перед иконой Святой Троицы обратилось в необходимость прикосновения души к Высшему началу. Появилась страстная истовость в словах простой молитвы, они, казалось, горели на устах, желая привлечь внимание Божьей милости к человеку, молящему о том. Казалось, что молитва не выходила из него словами, а входила в уста духом святых слов, их вечным праздником — душа расцветала и просила новых молитв, которые он теперь сам сочинял и подносил к Господнему престолу. За эти дни Иван исписал строками придуманных им самим обращений к Небу в стихах и прозе небольшую тетрадь и читал их после “Отче наш”, утром и вечером. Болезнь его больше не тревожила, а к концу недели Иван почувствовал, что в его измученное тело прибывают силы — новые, молодые, будто он хорошо выспался после трудного дня и утром проснулся, вскочил ото сна в неодолимом желании немедленно растратить накопленную силу на созидание чего-то большого — целого мира, в котором будет радостно жить.

В субботу к обеду приехал друг Серёга и привёз всю его семью. Иван от радости не знал, за что взяты, суетился, чистил рыбу, готовил уху, угощал жену и детей лесными ягодами и был счастлив этим их присутствием рядом безмерно. После обеда они долго гуляли по лесу, а потом решили покататься в лодке по озеру, но, когда спустили посудину на воду, дети и Серёга вдруг отказались от путешествия и, оставив их тет-а-тет с женой, ушли к дому. Иван понял добрые мысли детей и друга, что дали ему возможность побыть наедине с женой, и он, легко взмахнув вёслами, направил лодку подальше от всех берегов. Марина улыбалась, глядя, как муж ловко управляет на вёслах:

— Ваня, а ты совсем не похож на больного. Лицо разгладилось, и гребёшь, будто сил девать некуда.

— Это от радости, что вы рядом. Душа поёт, и в руки сила прибывает.

— Расскажи-ка, что у тебя здесь произошло? В доме икона и молитвы в тетради записаны, отчего всё это?

Иван пояснил все события местного масштаба, начиная с приезда рыбаков, посетивших его дом, доктора, который усомнился в правильности диагноза смертельной болезни, а после рассказал о поселении староверов и о встрече с ними:

— Таперича, — сказал он, подражая говору Марфы, — пью настой семи-семисот трав и чувствую своё возвращение к жизни. И молось — Марфа сказала, что без молитвы никакой пользы от лекарства не будет.

— Может, домой вернёшься? Хватит уже тут бирюком жить, одичаешь совсем, что будем потом с тобой делать? — шутила жена

— Не одичаю. Книжки читаю, молось, в деревню хожу, с людьми разговариваю. Народ в деревне хороший, работающий и приветливый. Всеякие перестройки им нипочём и слышать о политике не желают. Выбрали себе голову умную в руководители, уважают и слушаются во всём. Да вот и Марфа сказала, что у них, у староверов, тоже все в поле, и стар, и млад — от зари до зари трудятся, чтобы прокормиться. Везде бы так. Работать и не ныть, и путей лёгких не искать.

— Марфа-то, наверное, баба молодая? Больно уж часто о ней вспоминаешь... — шутя, надула губы жена.

— Выглядит на пятьдесят, а самой под девяносто. Молодая совсем, но нравы у них иные, не нынешние, — и он рассказал Марине, как пригласил девочку в дом и что она ему ответила. Жена даже не удивилась рассказу, а только задумчиво вымолвила:

— Всем бы так жить, с Богом в душе. С малолетства и до старости.

Иван молча с ней согласился, бросил вёсла, подсел к жене, обнял её за плечи и вдруг, неожиданно для себя запел песню: “Я люблю тебя жизнь...”, — Марина подхватила слова и мотив, и песня поплыла над озером — задорно и задумчиво, весело и нежно переплетая чудесные слова.

Когда они вернулись с прогулки, у дома на поляне шла игра в бадминтон — на вылет. Серёга сидел в плетёном кресле и судил игру, а дети соревновались. Хвостатый волан перелетал с одной ракетки на другую и никак не желал приземлиться, уважая спортивное усердие игроков. Серёга встретил их радостным возгласом:

— Ну, наконец-то прибыли. Сижу и сужу, а они, как заводные, по часу на один матч уходит, когда их игра. А меня за пять минут назад в кресло вышибают. Потренируйся тут с ними. Не уважает молодёжь старость, не даёт кости размять.

— Наоборот. Мы вам стараемся дать отдохнуть и заслуженно, так сказать. В судьи призвали, а значит, в мудрость и честность вашу верим, — хором ответили дети.

— И на том спасибо. Но теперь играйте сами, без мудрого судьи, а когда подерётесь из-за спорного очка, вспомните меня, своего честнейшего рефери, и всплакните о недостойном своём поведении, о том, как вы заставляли его проигрывать, почти не начиная игры, — Сергей встал, помахал игрокам рукой и ушёл вслед Марине и Ивану, направившимся к дому.

Когда вошли в дом, Иван спросил:

— Останетесь до завтра или как?

— Он ещё спрашивает, — ответил Сергей, взглянув на Марину. — Дай хоть наглядеться на тебя, живого и здорового. Завтра после обеда рванём в свой дымный город. Ты с нами?

— Нет. Лекарство допью, схожу на консультацию к моему доктору, а там видно будет, — он ещё раз поведал Сергею историю посещения старообрядческой деревни.

— Нам-то можно туда попасть как-нибудь? Одним глазом взглянуть, как настоящие люди живут, — проявил интерес друг.

— Я и сам толком ничего не видел. Дома старомосковские, как в книгах о временах патриарха Никона и его супротивника Аввакума-протопопа, ворота расписные, у каждого хозяина свой узор, а людей нет — урожай убирают всем миром. У них вся работа вручную, серп да коса — главные помощники, комбайнов нет. Но не велили они, мой друг, про них рассказывать, а тем более приводить с собой чужих людей.

— Это мы-то чужие, — возмутился Сергей.

— Им все чужие. Много бед они пережили, потому и сторонятся людей другой веры. Раскол в русской православной вере много горя народу принёс. Оттого и хоронятся староверы от чужаков.

— Ладно, — примирительно сказал Сергей. — Может, потом как-нибудь согласятся нас принять.

К вечеру следующего дня гости уезжали, можно сказать, в праздничном настроении. Дети хорошо отдохнули — накупались в озере, побродили по лесу и даже сходили в деревню, посмотреть на тамошнее житьё-бытьё. Им, как они сами признались отцу, понравилась сельская неторопливая жизнь, приветливость людей, весёлая непринуждённость ребятишек, отвешивающих поклон и желающих здравия первому встречному. А если уж спросишь какой-либо адресок, возьмут за руку и доведут к самым дверям дома, магазина и всего другого, что интересует здесь тебя. Жена была рада возвращению Ивана к полноценной жизни, но в ночи, после страстных и долгих обоюд-

ных ласк, вдруг загрустила и жарким шёпотом стала говорить слова, никак не относящиеся к радости встречи.

— Ваня, а представляешь, если бы ты поверил этому доктору, что бы сейчас было с нами? Когда я смотрю на нашего сына, его счастливую молодость, то меня охватывает дрожь — всего этого могло не быть. И всё это могло случиться по недоброму желанию, а мне кажется — по злому умыслу одного и того же человека. Со мной тогда в палате лежали три женщины, и все они согласились на аборт, хотя очень желали родить ребёнка, но испугались докторских слов о неполноценности плода, зревшего под сердцем. Наверное, только одна я сбежала из больницы, не поверив в уродство нашего будущего мальчика. И оказалась права. Как и ты, когда отказался от губительного лечения, — и заключила разговор страшными словами. — Убить его мало, этого доктора, и всех тех, кто им управляет.

— Марина, Марина, — он нежно провёл рукой по её растрепавшимся волосам. — Успокойся. Каждый человек может ошибаться, и доктор тоже. Давай, забудем обо всём.

— Нет, я не могу этого забыть. Один раз можно ошибиться, но дважды в случаях, что приводят к смерти людей, — нельзя. Я всем своим знакомым расскажу, как лечат в этой крутой клинике. Сколько ещё там таких, как ты, “раковых” больных? Они и присловицу новую изобрели: “Самый богатый человек — это раковый больной”. Это я подслушала в разговоре медсестёр, и такой довольный смех сопровождал эти циничные слова, что я подумала: с такими сестричками милосердия мы бы и войну проиграли. Да, собственно, она, эта война, идёт, без объявления, без пушек и пулемётов, но в этой невидимой боине гибнет народ — наш народ. И тот, кто ещё не родился, и тот, кто уже живёт и жить хочет. Юрий Михайлович Миркин — так полное имя твоего доктора — участник этой войны против нашего народа, а территория войны — не только его клиника, а вся наша страна.

Иван испугался этого внезапного женского откровения и прижал голову Марины к своей груди, боясь услышать продолжение страшного обвинения не только врачей-вредителей, но себя самого, в бездействии.

Утром этот разговор немного забылся, тем более что за завтраком, происходившим всё за тем же дощатым столом, навсегда вкопанным ногами в землю, во дворе у дома, в беседке, крытой черепицей, впрочем, совершенно невидимой со стороны, заросшей по всем сторонам до самого флюгера с петухом густыми побегам дикого винограда, дети своими зоркими молодыми глазами увидели на опушке леса девочку, ту самую, про которую рассказал им отец. Сын и дочь тут же вскочили из-за стола и бросились знакомиться с лесной жительницей. Фета и не подумала исчезнуть, как в первые дни своего появления здесь, а только опустила на пенёк и стала ждать приближения ребят. Взрослые наблюдали за их сближением, сидя за столом. Вскоре, судя по взмахам рук, — звуки слов не долетали к беседке — у леса, на опушке начался оживлённый обмен приветствиями и какой-то разговор. Люди, оставшиеся сидеть за столом, решили не вмешиваться в этот детский праздник встречи двух разных миров и, хотя дети были неравного возраста, но всё равно не виделось причин, что могли помешать им общаться. Взрослые пили чай, а их дети беседовали с девочкой Фетой, усевшись на траву у пня и наваясь на него плечами.

Скоро прибежала дочка Светлана, собрала со стола все конфеты и печенье, что привезли из города, приговаривая при этом:

— Ой, она такая серьёзная. Такие слова говорит, будто уже целую жизнь прожила. Кое-как уговорили гостинцы бабушке отнести. Заладила, мол, не надо ничего, дома всё есть: и мёд, и ягода разная, сладкая. А сама ну такая хорошенькая — глазки, как два озера синих, и смотрит доверчиво и приятно.

Светлана сложила собранные со стола гостинцы в пакет и умчалась обратно, а за ней к месту знакомства двинулись и все остальные. Марина, подойдя к девочке, пожала маленькую ладошку и, поцеловав Фету в щёчку, спросила:

— Как бабушка поживает?

— Дома управляется. А меня послала к деду Фрисану, отнести ему пирога с клюквой да киселя брусничного. Он совсем старенький, из дому едва выходит. Бабушка говорит, что ему уже сто двадцать лет, он молодым мужиком был и семью свою имел, когда она такой, как я, была. А ещё она благословила меня к вам, дядя Иван, дойти и сказать, чтобы вы, как настой выпьете весь, к ней пришли. Спаси вас Бог! — Фета встала и ушла в лес, не внимая уговорам остаться с ними хотя бы ещё на полчаса.

Потом был ещё обед, после которого дети убежали кататься в лодке, мужчины сидели за столом, обсуждая события, произошедшие на фабрике в отсутствие Ивана. Марина не стала слушать их деловых разговоров и ушла в дом, а они около часа обговаривали работу новой линии по сборке мебели, которую успели запустить за прошедшее время. Интерес Ивана к новому производственному участку был велик, и Сергею пришлось, не упуская малых величин, рассказывать о преимуществах работы заморской автоматической линии. Иван остался доволен объяснениями друга о качественных изменениях в мебельном производстве и попросил ненавязчиво подготовить коллектив к его возможному будущему возвращению к работе. На что Сергей ответил:

— Тебя никто и не списывал с рабочего места. Так и сказали, мол, Иван Саныч — наш родной отец. И вы его нам верните живого и невредимого. Приеду да как скажу, что болезнь твоя отступила, то-то обрадуются. Меня хоть и слушают, но я им чужой. Так что давай, поправляйся и вперёд — труба зовёт.

Машина запыхтела и тронулась, увозя родных сердцу людей, а из всех её окон махали руки, не прощаясь, а будто выговаривая: “Ждём, ждём, ждём”. Иван сразу почувствовал усталость от праздничной суеты, от многих слов, сказанных и выслушанных за эти дни. От раннего своего пробуждения — сплавал на лодке проверить сети, чтобы снабдить гостей свежей рыбой. И всё удалось на славу: и праздник встречи, и рыбы набрал два больших мешка — для семьи и друга Сергея. Теперь он стоял недалеко от дома и смотрел в ту сторону, где ещё клубилась пыль, поднятая колёсами уже пропавшего из поля зрения автомобиля. Мыслей никаких не возникало, они тоже спрятались в какие-то свои потаённые места отдыха, освободив пространство для новых светлых раздумий. Иван медленно пошёл к дому. Собака Альфа, закорюченная в эти дни женой и детьми, уставшая от беспрестанной беготни наперегонки, игр, купания в озере, даже не поднялась навстречу хозяину, а лишь моргнула умными глазами: “Дескать, я тоже хочу отдохнуть. Немолода уж, чтобы носиться от зари до зари”. Мысленно пожелав собаке спокойного отдыха, Иван и сам, как только вошёл в дом, разделся и лёг в постель с одним желанием — выспаться. Но перед пропаданием в царствие Морфея думал о том, что Маринка чересчур не на шутку озлобилась на доктора. Убить его мало — это уже совсем тяжкое желание для слабой женщины. Может, он и вправду ошибся? А может, и нет. Деньги мутят человеческий разум, и жизнь перестаёт казаться самоценностью, а только видимые её атрибуты признаются действительностью — богатство, власть, а вместе — возможность распоряжаться судьбами людей. Этого в морг, другого на операцию, а того на порог клиники не пускать, потому как нищий он. Но, может быть, не всё так плохо? Хотя женщина, она сердцем чует, что плохо и где счастье живёт. Мужики, они на войне хороши, там долго думать не дают — ура, вперёд! — коли, руби, и враг — вот он, явный, сильный и злой. А в жизни мирной русский мужик, если задумается о чём-нибудь и пока свои несчастливые мысли осилит, доведёт к решению дела, то такое действие уже не надобно, не годится к нему приступать — время ушло. Снова мысли вынашивает и опять впросак попадает из-за неверия своему же разуму. В драке всё просто, здесь нашему мужику равных нет, другие же задачи решать возьмётся — сомнения начинают мучить. А как же, надо бы всё по чести, по совести. Но когда против тебя скрытно и тайно дела мерзкие творят, как это узнать и понять? А понять надобно, чтобы вперёд врагов от друзей отличать. Во имя истины.

Спал хозяин дома крепко, не просыпаясь, до самого утра. Во сне видел доктора в каком-то демоническом виде. И в окружении демонов. Надо было вставать, кормить собаку, проверить сети. Иван проспал время своего утреннего

подъёма и теперь плохо соображал, вникая в подробности сновидения, в пространстве которого он только что побывал. Этот доктор, назначивший ему смерть, не просто так посетил его в виртуальном мире. А все эти козлиные рожи, получеловеческие, они зачем? Половинная реинкарнация? Как там Высоцкий сказал: “Быть может, тот облезлый кот был раньше негодяем, а этот милый человек был раньше добрым псом”. Неужели такое происходит всерьёз и люди раньше были зверьми? Как никогда, звериная сущность проявляется сейчас, в век высоких технологий и умных слов. Почти не видно вокруг Божьих агнцев — сплошь волки. Всем нужны только деньги и власть, чтобы вольно распоряжаться человеческой жизнью. Тот доктор однажды возымел власть над жизнью его ребёнка, а недавно и самого отца приговорил к медленному умиранию. И права Марина в словах о том, где она говорит о людях, что поверили доктору и обрекли своих нерождённых детей и себя на смерть. Те доктора, что делают смертельные инъекции людям, желающим уйти из жизни добровольно, выполняют если не гуманную, но всё же милосердную миссию, избавляя человека от мучений, а другие, что против воли, обманом, нарушая все законы врачебной этики, обрекают людей на смерть неверным, а ещё хуже — самоизобретённым диагнозом... Они кто? Врачи? Да, они врачи и живут здесь, в нашей стране, в нашем доме, владея клиниками и кабинетами, где и плодят наивысшее зло — лишают человека Богом данной жизни. Сказать, будто они не знают, что совершают смертный грех, по меньшей мере — наивно, а значит, либо они сами считают себя богами, или есть некие силы, которые отпускают им все их грехи во имя какой-то цели, оправдывающей средства её достижения. Но какова же должна быть эта цель, в желании достигнуть какого величия зла, когда путь к ней лежит через отвергнутое право человека на жизнь?

Неделя пролетела незаметно. Иван чувствовал себя вполне здоровым человеком — законопатил и просмолил лодку, обновил крыльцо дома, подвёл воду из лесного ручья прямо к столу, где принимал гостей, для этого дела пришлось звать деревенских мужиков, и они, немного покумекав, изладили жестяной жёлоб, по которому отвели часть родниковой водицы к хозяйскому жилью. Во время обеда в честь пуска водопровода (было их трое) степенно выпивали чарку, наполняемую хозяином, ели, не суетясь, а когда поднялись от стола и собрались уходить, Иван предложил им денег за работу, они отказались, мол, доброму человеку помочь считают за честной долг.

В пятницу утром он обнаружил, что чудодейственное зелье закончилось, сколько ни тряс посудину, из неё не выкатилось ни капли. Однако это событие его не расстроило, лекарство оправдало своё назначение. Иван глянул в зеркало, висевшее на стене, обрамлённое в необычную рамку работы искусного мастера, отвечающую матовым серебряным цветом плетёных узоров, и остался доволен своим отображением. На него смотрел мужчина средних лет, крепкого сложения, с немного грустным, но смелым взглядом, и только давно не стриженный волос, плохо поддающийся расчёске, падая на лоб и уши, скрывал часть лица, придавая облику схожесть с незаконченным автопортретом художника, не ко времени ушедшего в запой, радость которого он уже предвкушал во время этой последней работы. “Постричься надо бы, — подумал Иван, — на бомжа похож”. Но едва он, выйдя и дому, ступил на крыльцо, как все грустные мысли моментально растворились в воздухе, напоённом запахом хвой и наполненным нежным светом лучей утреннего солнца, озвученного пеньем птиц. Он бодрой походкой направился к озеру, чтобы совершить обзорную прогулку — проверить сети и просто посмотреть, что творится на водном просторе, вверенном ему в хозяйство.

Причалив через недолгое время к берегу, Иван остался в лодке, что делал всегда, будто исполняя некий ритуал, им же самим придуманный. Почему-то после передвижения по водной глади, махания вёслами хотелось посидеть тихонько и, закрыв глаза, думать о маленьких радостях жизни вроде живых солнечных бликов на воде, ропота недовольного даже малым перемещением воздуха камыша, птичьих криков, приглашающих рыбу покинуть глубины озера и поиграть в догонялки, а открыв глаза, увидеть голубую чистоту вечного Неба и ощутить нерасторжимую причастность к жизни Божьего

мира, к его необозримой красоте. Он понимал, что таких заповедных уголков, где хранится первозданная красота, на планете осталось немного. Человеческая алчность губительна, в первую очередь, для живой природы и её обитателей, но и сами люди тоже — неотъемлемая часть земного бытия, хозяевами которого они вдруг себя назначили. Без понимания красоты не может существовать жизнь на земле. Но, увы, понимание красоты перестало быть всеобщим человеческим достоянием и тоже пало к ногам Мамоны, лукаво переиначивая вкусы, запахи и взгляды на природу, вещи, искусство. Появились некие мерила природной, женской, художественной красоты, несвободной от мнения “высокого” жюри, где заседают люди, непричастные к пониманию её божественного начала. Мир пошёл в вульгарности, выращенный в подворотнях, трущобах, вырвался на сцены, экраны телевизоров и кинотеатров, создавая и проповедуя омерзительные по сути модели нового искусства. Картины нынче пишут маляры, скульптуры лепят из мусора, женщин пытаются одевать уроды и геи. Достаточно одного взгляда на модного кутюрье, чтобы понять, что этот неудавшийся ни ростом, ни лицом шут появился в кулуарах моды не затем, чтобы служить желаниям прекрасного пола, а с целью отмщения за долгое невнимание к своей убогой персоне. И теперь он, как может, уродует лики и фигуры женщин, скрывая под несуразным платьем красоту и выпячивая недостатки. Юность и молодость, прошедшие в неудачной борьбе за утверждение мужского начала, жизнь “шестёрки”, презираемой мужским и женским сословием, накладывает неизгладимый отпечаток ущербности на мысли и дела такого вот обиженного в прошлом существа. Вся его жизнь занята накоплением энергии отмщения силе, смелости и красоте. Эти люди объединяются в союзы, общества, юродствуют на экранах, опошляют всё, в чём люди видят спасение души, уродуют сознание слабых духом, увлекая их за собой в пропасть безнравственности и мерзости.

“Неужели всё так плохо?” — подумал Иван, устремившись взглядом в небо и как бы пытаясь найти там ответ. Нет, нельзя позволять выдавать мерзость за добродетель, поделки — за искусство, а уродство считать красотой. Всё, что создано Господом, должно содержаться в разумном порядке, чтобы вызывать у человека чувство удивления красоте, благоговение перед мудростью Божьей, отвращение к мерзости. Перемена этого порядка вещей в сознании людей приведёт к окончанию человеческого участия в жизни на Земле. Человек выпадет из сюжета Создателя величайшей картины — красоты мира.

Утро прекрасное, здоровье — слава Богу, улов неплохой, а мысли отчего-то невесёлые. Надо бы как-то отвлечься. Мудрые люди говорят, что рак — болезнь души, которая разрушает тело. “Не надо печалиться, вся жизнь впереди...” Вспомнив очень к месту слова известной песни, Иван стал подниматься по ступеням на берег, закинув за спину мешок с рыбой. Как всегда, сначала показалась крыша избы, а прежде — верхушки дальних сосен, что росли на взгорке, потом сам дом, крыльцо, но теперь на его ступенях сидела девочка Фета и гладила по голове Альфу, которая, видимо, признала гостью за своего человека, не опасного для дома и хозяина, и доверчиво принимала ласки своего нового друга. Иван на минуту залюбовался этой милой сценой единения земных существ, безгранично поверивших в святость дружбы и родства человека и животного. На душе его поднялась лёгкая волна радости, необычайно светлой, как слёзы, что навернулись на глаза, чуть затуманив видение нежной любви.

Девочка, увидев хозяина, поднялась с крыльца, а собака побежала навстречу, повливая и хвостом, и телом, повизгивая, как бы приглашая к знакомству со своей новой подружкой. Фета поклонилась и на приветствие Ивана ответила:

— Здорово ли живёте?

— Теперь, слава Богу, здорово. Как бабушка? — спросил он.

— Велела вас звать к ней. Спросить чего-то у вас хочет, — говорила девочка, рукой осаживая лынущую к ней Альфу.

— Прямо сейчас и пойдём. Вот только рыбу в холод брошу да молока выпью. Ты заходи, чаем тебя угощу, — пригласил Иван.

— Нет. Я лучше здесь подожду, с собачкой поиграю.

Он ушёл в дом, выпил кружку молока, сообразил еду собаке, хотел бросить рыбу в морозильник, но передумал, а решил отнести улов в деревню, в качестве гостинца. Вышел на крыльцо, подал Фете чашку с собачьей едой, решив, что гостья должна закрепить дружбу кормлением пса, а сам встал в сторонке и спросил:

— Бабушка не злится, если я ей рыбы принесу?

— Чего же на доброе дело ругаться.

Они двинулись к лесу, Альфа побежала вперёд, но у опушки присела, наострила уши, повернула голову в сторону дома, поскулила, мол, дальше не могу, сами понимаете — служба и, не оглядываясь, побежала назад.

Показалась деревушка, и снова Иван залобовался постройками, будто перенесёнными сюда, в эту лесную чащу, где им нашлось место у дивной реки, из прошлого русской столицы.

В доме их встретила Марфа, она работала у прялки, как смутно представил себе древнее орудие труда Иван, и то лишь догадка пришла от вида шерсти и собранной на веретене пряжи. Он поздоровался.

— Здорово живёте, — ответила Марфа.

— Теперь уже совсем здорово. Вашими молитвами.

— Спасайтесь своими молитвами и ими же живите. Человек сам себе и лекарь, и убивец.

— Не сердчайте, матушка, просто хотел поблагодарить вас от души. Живу с охотой, сил прибью, и пищу вкушать не боюсь, но только одна мысль тревожит — доктора, что ж, не могли вылечить или не захотели?

— Врачи тоже, кто от Бога, кто от дьявола. Одни лечат, другие калечат, как распознать, когда они сами не ведают, что творят, — говорила Марфа, не бросая работы, и ловко крутила веретено.

— Распознать легко, — осмелел Иван. — Меня ещё и не лечили, а уже цену назначили за каждый день жизни. Мол, всё равно умрёшь, а коли заплатишь хорошо, то поживёшь ещё недолго. Но я отказался потому, что они даже не знают, сколько мне дней отмерено, но деньги давай уже сейчас. Много денег.

— Совсем плохи дела у вас там. Срок жизни Господь определяет, и никакие деньги это время не отменяют. Если же кто-то обещает такое сделать и тебе помочь жизнь продлить, то знай — перед тобой враг человеческий. Чудеса никто не волен творить, только Господу подвластно незнание нами, а вот обман великий глаза застит и душу вынимает, и станет человек хуже пса паршивого — лаять да кусать, а доброго от него ничего не жди. Потому и обличье у людей разное. Одни образ Божий носят в себе, другие — дьявольский. Но прячутся под разными личинами, не сразу распознаешь. Ты узнал и ушёл от них, а те, которые к нему потянулись, поверили, что с ними статься? — Марфа поднялась от прялки, перекрестилась на образа и спросила: — А что семья, дети есть, не забывают?

— Конечно, есть, — скоро ответил Иван. — Они на прошлой неделе приезжали меня проведать. Уговаривали домой ехать, но я куда остался.

— Чего же ты от семьи-то ушёл, не насовсем ли? — нахмурилась хозяйка.

— Не ушёл я. Не хотел, чтобы они мою слабость видели. Меня же врачи к смерти приговорили. Вот и поехал я сюда умирать или выжить. Чего мёртвому среди живых делать, — Иван вспомнил картину своего бегства, разговор с Мариной, и слёзы навернулись ему на глаза.

— То нехорошо, что совсем плохо, а то, что не плохо, можно поправить, — загадочно молвила хозяйка и показала рукой на лавку. — Садись уже, в ногах правды нет.

— Матушка, я вам рыбки принёс. Свежая, только сегодня утром из воды, — вспомнил гость, садясь на лавку. — В сенях мешок оставил.

— За то благодарствуем. Пирог испекли. Мы летним делом скоромного мало кушаем. Всё больше ягоды, грибы. Бывает, когда мужики куропаток набьют, а то и сохатого подстрелят. Тогда праздник на всю деревню. Нынче все заняты, некогда охотиться. Урожай соберут, будем с кашей. Она-то

и есть наша родимая еда. С грибами, ягодой, маслицем постным, а то и с молочком. Могу угостить, полон горшок в печи томится, — хозяйка глянула куда-то за окно.

— Не откажусь. — Иван даже слону сглотнул, не завтракал с утра.

— Пойду с рыбой управлюсь, на ледник снесу. Лёд-то в нём уж совсем истаял, но прохлада какая-никакая держится. А ты, мил человек, язык мне покажи и в глаза тебе гляну, — вспомнила о цели визита Марфа. Она взглянула на Иванов язык, подвернула ему веки и сказала:

— Другого снадобья дам, а ты ещё помешкай домой ехать, побудь на месте. Вольный воздух телесного здоровья прибавит. Молитва дух укрепит, а там ступай с Богом к дому, к семье. — И хозяйка вышла.

Вернулась с дымящейся кашей. Поставила чашку на стол и не спеша достала хлеб, завёрнутый в белое полотенце, и, приложив к груди, отрезала матёрый ломоть и приложила на стол у каши.

— Ты уж не обессудь, но одному придётся пищу вкушать. Не положено нам с мирскими за одним столом сиживать. И посуда у нас другая для гостей. Но ты уж прости, мы в лесах да горах долго жили и ваших болезней городских боимся. По старине это всё и случилось — приедет бывало чужой человек, посадят его за стол, покормят и сами с ним поедят, а после отъезда гостя половина деревни в жару да в бреду лежит. Кто выживет — хорошо, но больше помирали. Тут запрет и вышел от наших духовных пастырей — в еде и питье не отказывать, но посуду для гостей держать особую и мыть после с песком и известью. А то, небось, наслышан, что староверы после гостей и посуду выбрасывают, а то ни пить, ни кушать не подадут. Это всё выдумки. Накормим, напоим, но по-своему.

Покидая гостеприимный дом, Иван спросил:

— Матушка, может быть, вам деньги нужны. За вашу доброту и участие к моему горю я готов всё отдать.

— Денег нам не надобно, а вот что от души подарить, приму с благодарностью. Ты лучше деток своих корми хорошо и жену не забивай, от того всем вам добро будет. Добрый ты человек, но пуще всего мерзости сторонись. Чувешь, сердце волнуется — не ходи в ту сторону, куда враги Божьи зовут. С любовью живи к людям, тварям, деревьям и травам. Всё кругом Господом создано, Его любовью. Иди свой путь, но помни, куда придти должно. К образу и подобию Отца Небесного. Ступай с Богом! — И Марфа, благословляя, закрестила дорогу.

Проводив гостя, Фета тут же заторопилась домой, как просила бабушка, а Иван остался ожидать чего-то, кого-то — утра, ночи, себя в них, не совсем привычного, уже тронутого раздумьями не только о себе, но и о человеческих мирах, не соответствующих друг другу в понимании сути добра и зла и находящихся в непримиримом антагонизме между собой из-за этой разности простых понятий. Ему, Ивану, назначили смерть, а он пренебрёг исполнением такого решения, и этого ему не простят.

Иван глотнул нового снадобья, на вкус оказавшегося, не в пример первому — даже приятным, немного прибрался у дома — подмёл и сгрёб нечаянный мусор, вошёл в дом, скушал хлеба с молоком и прилёг. Прогулка туда-сюда по лесу, мешок с рыбой, что отнесён Марфе, разговор — всё это немного утомило его начинающий восстанавливать к силе организм, и он скоро уснул, как, впрочем, уже привык делать в послеобеденное время. Дремотные видения только начали появляться в его сне, как застучали в окно, и он, выглянув, увидел запылённую “Ниву” и всё тех же троих своих теперь уже друзей и сразу вышел во двор. Иван был рад этим людям, их появлению здесь, словам приветствий. Немного погодя они сидели в беседке и говорили о житье-бытье, городской суматохе и деревенской тишине, здорвье, рыбалке, мировых новостях.

Вечером готовили уху из новопойманной рыбы, накрыли стол и чуть не до утра пировали. Хозяин участвовал в пиршестве и разговоре теперь уже на равных. Гости уловили перемены в настроении хозяина дома, говорили тосты за здоровье, за красоту природы и даже за то, чтобы в озере плодилась рыба — мала и велика. Уже ночью купались в озере, остужая хмельные

головы, гуляли по берегу, пили у самовара чай, вкусный, с дымком, с мятой.

Иван проснулся от звучания солнечных лучей, что проникли в комнату и хозяйничали по всей территории, распевая свои звонкие песни. Он любил слушать эти весёлые переливы солнечных голосов и подголосков, которые звучали со всех сторон — от окна, стен, пола, даруя радость нового дня и желание жить в нём. Ещё в детстве он полюбил эти звуки, когда, открыв глаза, видел, как лучики солнца золотят мелкие пылинки в светлом воздухе, наполнившем его комнату, и тогда же сложилась мелодия, которую маленький Ваня назвал солнечной. Мальчик вырос в мужчину, а музыка осталась и продолжала звучать в утреннем свете, перестраивая свои лады согласно изменениям природных явлений за окном. В пасмурную погоду это были осторожные, несколько печальные звуки, но стоило хотя бы одному солнечному лучу пробиться сквозь завесу облаков, как мелодия оживала, светлела и звала за собой ввысь, к самому солнцу. Музыка дождя звучала особенно — будто сотни больших и малых барабанов затевали концерт, звуки различной тональности проникали в дом, но не какофонией, а ладными перепевами ударных инструментов, что собирали звучание капель о крышу, листья деревьев, асфальт и наводнённые дождём лужи. “Шлёп-шлёп, тук-тук, кап-кап” — и из этих простых звуков рождалась музыка. Снег, кружась за окном, дарил вообразительно мелодии вальса, и позже, когда Иван полюбил музыку Штрауса, ему всегда при прослушивании концертов австрийского композитора в зале или с грампластинки чудился снегопад, так же естественно возникающий, будто в детстве за окном комнаты. Ещё была музыка весенней капели, выпадения осенних листьев, их шорохи, вздымаемые над землёю ветром или ногами прохожих. В детстве, а позже и в юности он удивлялся, как много в мире прекрасной музыки, но куда же спешат люди, не замечая чудесных звуков, что окружают их доверчивой любовью своих мелодий? Но повзрослев, и сам стал меньше замечать природные музыкальные действия вокруг себя. И только по утрам продолжал ловить и впитывать в себя радость солнечных мелодий.

Нужно было подыматься от постели, гости, наверное, уже рыбачат и скоро возвратятся к дому. К их возвращению надо успеть вздуть самовар, чтобы порадовать мужиков горячим, душистым чаем. Все его утренние дела заняли не более получаса — закурилась дымом самоварная труба, а Иван приступил к собиранию на стол завтрака, принялся сбивать яйца с молоком для приготовления своего фирменного блюда — омлета по-крестьянски. Поставив сковороду на огонь, задумался: вчера доктор-терапевт не задал не единого вопроса о здоровье хозяина. Почему? Наверное, не хотел вторгаться в общее веселье неуместными здесь врачебными интересами или заметил новое, здоровое отношение к жизни у Ивана.

А вот и они! Врач несёт снасти, а позади него друзья несут ведро с пойманной рыбой. Что ж это они так тяжело нагрузили доктора, а сами несут одно ведро на двоих?

Иван снял сковороду с огня и установил в середине стола, потом стал доставать из холодильника закуски, уцелевшие после ночной пирушки. Гости, умывшись, быстро расположились за столом и так же скоро употребили всю еду, что выставил хозяин. Вольный воздух, ранняя прогулка по озеру возбудили аппетит, и было здорово наблюдать, как мужики мечут со стола всё, что подано на завтрак.

— Вы домой когда? — спросил Иван.

— Сегодня к вечеру тронемся. На сутки отпросились от работы, от дома, — ответил за всех Олег.

— Меня возьмите с собой, — вдруг решил Иван. — Домой хочу.

— Конечно, возьмём. Враз домчим. Машина — зверь, — улыбнулись его решению рыбаки. Иван разволновался от своего неожиданного решения и пошёл в сторону леса, к старому пню, где любил проводить время, оглядывая с возвышенности озёрную гладь воды и прилегающие к ней просторы степного раздолья. За ним к опушке леса подошёл Олег, молча встал рядом и тоже стал смотреть на окружающий озеро ландшафт. Молчание затянулось, но друзья не тяготились тишиной.

— Что о здоровье не спросишь? — наконец, молвил Иван.

— И так вижу — здоров, а вот как это тебе удалось, узнать хочется из чисто профессионального любопытства, — Олег присел на ствол поваленного дерева и приготовился слушать.

Иван подробно обо всём рассказал и закончил такими словами:

— Не свою мы жизнь живём, чужую, кем-то нам подсунутую, а не дарованную Господом. Страдаем от своей бестолковости и безумства зависти. Искали мы и ищем даров драгоценных, а нашли пустоту. Драгоценный дар — душа человеческая, а мы её выхлостили, опустошили, золотому тельцу кланяясь. Отсюда и беды наши.

— Согласен, — в задумчивости промолвил Олег. — Я почему в простой поликлинике работаю? А потому, что могу человеку помочь, без оглядки на обстоятельство. Приглашали, а как же, — в клиники, где каждое слово лечащего врача больших денег стоит. Успел и там поработать, но всегда возвращался обратно, не смог увидеть в больном человеке денежное пособие для доктора.

Дома никого не оказалось, и он позвонил соседям, которым обычно оставляли ключ, ну так, на всякий случай. Соседка, давнишняя пенсионерка, всегда чистенькая и приветливая, открыв дверь, всплеснула руками:

— Иван Александрович, какая радость! Тут столько всяких разговоров о вас ходит, а вы вот он — живой, здоровый. Прямо до смерти рада вас видеть, а уж как Марина-то обрадуется! Извелась вся, голубушка. Счастья вам, и вот ваши ключики. — Соседка сдёрнула ключи с гвоздя у двери.

— Спасибо, тётя Маша. Но до смерти радоваться не нужно, живите долго.

В обстановке дома ничего не изменилось. Мерно гудел на кухне холодильник, из комнаты дочери, приветливо мявкнув, вышла кошка и направилась навстречу хозяину, потёрлась о ногу и пошла на кухню — спросить себе еды, наверное, внеочередной порции за встречу. Иван разулся, надел тапочки, столь долго ожидавшие его возвращения, и прошёлся по комнатам, присел на диван и ощутил счастливый покой в душе. Но тут же вспомнил, куда он уходил из этого дома, а ведь было это совсем недавно, и провожался Иван сам собою умирать... Прожил где-то в глуши остаток жизни и, как бы народившись вновь, не забыл своего земного пристанища, родной семьи и вернулся, чтобы занять своё место, что, к счастью, осталось пустовать без него. Вздрыгнул от страха, оставшегося в памяти, и, избавляясь окончательно от причины того испуга, пошёл на кухню кормить кошку — та уже пару раз выглядывала из проёма двери, не понимая, почему хозяин медлит в таком серьёзном деле.

Совсем ли он приехал домой? Иван не знал ответа на такой вопрос, но чувствовал, что уже не сможет долго здесь оставаться. И не то, чтобы он отвык от дома, вовсе нет — дом оставался для него местом если не святым, то родным гнездом, где жили его любимые люди, а бродягой Иван тоже никогда не был, душа его не стремилась в неизведанные дали, жила рядом, смиренно радуясь бытию окружающего мира. Но мир очень быстро менялся, и требовался выход в некое пространство, где связи души, природы и разума не оборваны, а лишь дополняют друг друга, образуя свет на том пути, куда следует ступать человеку. На том пространстве осталось немного жизни, но она есть, там живут Марфа, девочка Фета, деревня староверов, и даже собака Альфа живёт в нём и стремится сохранить свою территорию от посягательств недоброжелателей, что, наверное, изо всех сил желают погубить эти дивные места. Так оно и есть. Никто никого не спрашивает, как надобно сделать жизнь лучше, и только нажива возбуждает разум. Брать, рвать, потреблять, будто только для этих действий создан человек. Потому и придумали, что люди произошли от мартышки, — проще стало жить, никакой ответственности пред Богом. Что за спрос с обезьяны?

Из печальных раздумий о мире его вывел дверной стук, и будто вихрь пронёсся по комнатам, возник радостный звук, вскрик, и Иван попал в объятия лёгкие и нежные.

— Доченька, — выдохнул Иван и прижался к родному существу.

— Ты уже позвонил маме?

— Нет, решил не беспокоить, хотел стать сюрпризом.

— Не беспокоить! Сюрприз!.. Ты, папа, думай, о чём говоришь, — нацидательно сказала дочь. — Мама места себе не находит, а ты говоришь о каких-то приятных неожиданностях. Самая большая радость — это то, что ты дома. — Дочь взяла телефон и набрала номер: — Мама, папа дома. — Повернулась к отцу: — Видишь, она даже и говорить не стала. Со всех ног домой помчалась, а ты — сюрприз. Сиди и жди, а я за тортиком сбегаю. Праздник у нас сегодня. Ура!

Через короткое время вся семья сидела за столом и между ними шла оживлённая беседа. Ивану было легко и просто находиться в кругу своей семьи, на лицах близких ему людей жила радость, и никто не скрывал того, что счастливые взгляды и весёлые слова посвящены ему, его возвращению домой. Слова не имели цели обозначить какой-то свой особый смысл, а лишь звучали радостью от присутствия человека, которого здесь долго ждали. Никто не вспоминал причины его отсутствия и уже не верили, что такое когда-то было, то время прошло и забылось, и повторения того давнего кошмара больше никто не ждал, остались лишь воспоминания — озеро, лес, дом, где они побывали в гостях у больного отца, но помнили это событие, как радостную встречу с природой, и выражали желание быть там для продолжения знакомства с краем девственной красоты. Сам виновник торжества, выпив пару рюмок коньяка, расслабился и теперь уже совсем и телом, и разумом вернулся домой, наслаждался словами, смехом и просто счастливыми лицами родных людей.

Спать легли за полночь, наговорившись обо всех новостях семейных и тех, что произошли за это время в городе, радостных и не очень. Звонил и друг Серёга, радостно кричал в трубку, не давал Ивану и слова сказать, а о чём они говорили, потом не помнилось — нескрываемая радость, и всё тут. Спал Иван, как убитый, но не усталостью или горем, а сном счастливого человека, вернувшегося домой, вырвавшись из цепких, костлявых лап смерти.

Утром после завтрака жена, собираясь на работу, спросила:

— Что делать собираешься?

— Серёга просил приехать, да и самому хочется на фабрику. Узнать, как там нынче дела идут, — ответил Иван. — А потом к доктору одному знакомому. Он на озеро приезжал, на рыбалку, хотел посмотреть меня повнимательней, чтобы убедиться в моём выздоровлении.

— По этому поводу я не хотела тебе ни о чём напоминать, но приходила бумага, а потом звонили из той самой клиники, просили придти и снять тебя с учёта. Сам понимаешь, что они считают... Ладно, не будем о плохом прошлом, но выбери время и зайди к ним, скажи им пару ласковых слов о себе, а я уже по телефону всё сказала и повторять не буду даже для любимого мужа. — Марина улыбнулась, махнула рукой. — До вечера. Звони, если что забыл из этой жизни, — напомню.

К воротам фабрики Иван подъехал с некоторым волнением. Охранник вышел из проходной будки проверить машину, но, узнав шефа, разулыбался так, будто увидел наяву своё детство, побежал, открыл ворота, снова вышел во двор и всё с той же улыбкой проводил автомобиль взглядом до самого административного корпуса. Секретарша, несмотря на свой серьёзный возраст, подпрыгнула со стула, как девочка, пискнула что-то невразумительно-радостное и бросилась обнимать Ивана, будто родного сына, и глаза её наполнились слезами.

— Но-но, Анна Сергеевна, плакальщицы нам уже не нужны, — сказал Иван, поднося к её глазам платок.

— Я от радости, Иван Александрович, от радости, — зашмыгала носом секретарша и отворила двери в кабинет. Из этих дверей выскочил друг Серёга, схватил Ивана в охапку и буквально втащил в кабинет, усадил в кресло, сел напротив и стал неотрывно смотреть на друга, задержав на своём лице блаженную улыбку. Наконец, глубоко вдохнув, выдохнул слова своего облегчения:

— Слава Богу, начальник вернулся, кончилась моя каторга. Давай, принимай дела, а я к себе, в родной цех.

— Погоди, не торопись. Пройдём по фабричным цехам, посмотрим, с коллективом поздороваемся, жалобы на тебя выслушаем, а потом решим — кому и куда. Может быть, я в цех пойду, а ты здесь останешься? — принял иронию разговора Иван.

— Нет-нет, — взвился Серёга. — Не моё это место, очень хлопотно здесь. Жульё всякое одолевает, их в дверь выгоняешь, они в окно лезут.

— Какое ещё жульё? — не понял Иван.

— Приходили головорезы бритые, хотят фабрику купить, но я ответил: самим нужна. Хорошие деньги предлагали. Говорю: я не решаю такие вопросы, акционеры есть, председатель, а они, мол, вы бумаги подпишите, берите деньги, остальное дело вас не касается. Позвонил директору, предупредил, он сказал, что примет меры. Больше не появлялись, но, думаю, придут, уж больно вид их фейсов и слова нахальством полны, — Сергей сделал пальцы веером.

— Ты своё дело сделал — директора предупредил, а у него прокурор в друзьях, так что нам думать не надо, пусть они со шпаной решают, а мы работать будем, — успокоил друга Иван.

Освободился он от фабричных дел только ближе к обеду и остался доволен действиями друга Серёги в управлении производством, самим трудовым процессом, настроением рабочих, что искренне, без показухи, выражали радость возвращением шефа и его добрым здравием. Осмотрел он и новую итальянскую линию по производству комплектующих для мебельных гарнитуров из дорогостоящих пород дерева, смонтированную и запущенную в его отсутствие. Прежние и новые участки производства он осматривал досконально, вникая в каждую мелочь, выпрашивая мнение людей о нововведениях, качестве импортных и отечественных конвейеров и других мощностей, будто видел всё это впервые. Никакой нервозности в поведении рабочих он не ощутил — они охотно шли на контакт и рассказали о преимуществах и недостатках оборудования, как нового, так и модернизированного старого. Производство работало, продукция имела спрос на отечественном рынке и в других странах — это радовало и вселяло надежду на какую-то новую жизнь. Иван уже видел и ощущал надобность своего присутствия на фабрике, улицах города, в семье.

В поликлинике новый его знакомый врач без лишних церемоний по случаю встречи сразу приступил к осмотру — осмотрел язык, прошупал живот, оттянув веко, заглядывал в глаз, а потом, записав что-то в карточку, отправился вместе с другом-пациентом в рентгеновский кабинет.

— Да, что-то тут было, видимо, острое воспаление. Вот здесь, — доктор ткнул пальцем в готовый рентгеновский снимок. — Есть некоторые изменения, небольшое загрубение слизистой оболочки начала желудка в конце пищевода. Но ведь это не раковая опухоль, а небольшое напряжение тканей рассосётся, значит, диагноз был поставлен неверно. С той аппаратурой, что имеется в клинике господина Миркина, куда вы имели несчастье зайти, неверный диагноз поставить невозможно. Что тогда это было? Некомпетентность врача или намеренное искажение фактов — вредительство? Вопросы серьёзные, но ответа на них никто никогда не получит. Масштабное сокращение населения в нашей стране и в других государствах третьего мира — основная задача глобального переустройства планеты, и медицина здесь — не последнее из средств достижения этой цели. “Золотой миллиард” решает проблемы народонаселения по-своему — без шума. Мировая революция не удалась, война тоже обманула надежды мировой закулисы — остались живы и Россия, и Германия. Теперь ведётся массовое вторжение без оружия — пресса, юстиция, финансы, медицина.

— Как же мне поступить теперь? Ведь мне необходимо снова появиться в камере смертников и доложить, что я остался жив и после расстрельного диагноза.

— Иван Александрович, вы только не торопите события. Ничто вам не угрожает. Спокойно поезжайте и снимайтесь с учёта, и говорите, что прошли курс лечения в столичной больнице или за рубежом — ну, где угодно и постарайтесь, чтобы объяснение вашего доброго здоровья выглядело правдиво. Ни на какие дополнительные обследования не соглашайтесь, на доверительные

контакты не идите. Снимитесь с учёта и долой с глаз деловой их медицины. Они будут уговаривать вас остаться под их наблюдением, предлагать льготное обслуживание и ещё что-нибудь приятное, но вы держитесь своей стороны, а ещё лучше — напугайте их связями в министерстве здравоохранения. А теперь с Богом. И знайте, вы совершенно здоровы.

В клинике ему настойчиво предлагали пройти новое обследование у того же врача, но Иван твёрдо заявил:

— Он уже вынес свой приговор, который не был приведён в исполнение, и больше я сюда никогда не приду. Не беспокойте меня, пожалуйста, своими требованиями, иначе сюда будут приглашены сотрудники Минздрава — мои хорошие друзья.

Мысленный злой кураж сопровождал его до машины, а потом и в пути. Отправляют здорового человека умирать — и всё нормально, всё хорошо. Ещё и спрашивают, мол, как же это так, почему вы не умерли? Мы же вам сказали, что у вас рак, значит, нечего людям голову морочить — ждите костлявую с косой, только прежде отдайте нам свои сбережения, на том свете ничего материального не понадобится, а нам жить. Чёрт возьми, тачки-то какие у больницы припаркованы — все как на подбор новенькие и дорожные. И всё это богатство — за счёт умирающих здесь несчастных людей. Чуть заболел — деньги отдай и ступай на кладбище. Вот сволочи! Надо было к доктору зайти, благодарность свою выразить. В рыло бы ему заехать, сразу бы легче стало, но нельзя, засадят в тюрьму, а там тоже лазарет имеется, и никто не знает, где могилка твоя.

Иван в мысленном озлоблении на время забыл о дороге, правилах движения и проскочил на красный свет светофора. И тут же попал в поле зрения гаишника, будто ожидавшего его промаха в нужном месте. Полосатый жезл метнулся вверх и тут же опустился, указывая водителю остановку, где его ждут новые неприятности, не смертельные, но и не совсем нужные в данный момент. Но за всё надобно отвечать, платить — везде и вовремя. Иван не стал ожидать, когда постовой подойдёт к машине, а сам вышел из-за руля. Милиционер двинулся навстречу, козырнул, представился и спросил:

— Запрещающий сигнал видели?

— Извините, задумался.

— За рулём нужно думать о дороге. Ваши права, пожалуйста. Пройдёмте в машину, составим акт, а уж суд решит, что с вами делать?

— Первый раз можно и простить, — начал свою защиту нарушитель, шагая за лейтенантом.

— Сейчас и подумаем вместе, как нам быть? — многообещающе ответил страж порядка и открыл дверь машины.

— Не дадут помереть в срок, — произнёс фразу Иван, что совсем неожиданно пришла ему в голову.

— О чём это вы? — спросил гаишник, усаживаясь за руль.

— Из больницы еду, сказали — помирать скоро, я и поехал по назначению, а тут светофор, думал это для живых — стоп, а покойникам — вперёд. Поспешил, а теперь думаю — куда? Торопиться теперь некуда, — грустно соврал Иван.

— Это вы что серьёзно, про больницу? — лейтенант замер с чистым листом протокола в руках.

— Хотелось бы пошутить, но не получается, — продолжил игру Иван.

— Ладно, поезжайте с Богом. Будьте осторожны, кто знает, сколько ещё жить придётся... — Офицер вернул документы.

— Вы меня отпускаете? Просто так? — не поверил нарушитель.

— Мы тоже люди, — ответил гаишник. — А то, что про нас говорят, так кто на виду, тем и достаётся. Счастливого пути.

Иван поехал дальше, мысленно беседуя сам с собой: “А врать-то хорошо. Похоже, хорошего человека обманул. Как-то очень уж всё просто получилось. Соврал — и поверили. И кто поверил? Старший лейтенант ГАИ. — Иван заглянул в зеркало. — Что-то не больно я на покойника похож. Хотя кто знает, каким себя увидишь в гробу? Не расскажешь уже никому. Но врать всё равно стыдно. А ещё Богу молишься, Иван

Александрович! Господи, прости, беру обязательство не нарушать правила дорожного движения!”

Паркуя машину у своего дома, он неожиданно подумал: “А что, если его убить? Доктора, который хотел убить тебя. А что, неплохое решение, мужское. Задавить гадину”, и сразу стало легко на сердце, на душе — везде, где до этого жила ненависть к врагам человечества, вольготно устроившим *пир во время чумы*, что охватила эпидемией его Родину.

Иван вошёл в дверь своего дома в добром расположении духа, вышел чаю и задумался над своими дорожными мыслями. Убить доктора, что предлагает хворым людям купить смерть, — совсем неплохое дело, но как это осуществить? А Божья заповедь: “Не убий”? Но ведь доктор убивает, и пусть не ножом, не выстрелом из пистолета, но работает он, заведомо зная, что делает. И делает он своё чёрное дело из-за денег, а может, ещё почему. Но все эти дела его — врача — грех, а если убить доктора, кто будет тогда убийца — грешник или герой? С одной стороны, он, Иван, освобождает человечество от чудовища, которое с помощью медицины и своего звания врача безнаказанно пожирает жизни людей, но как не говори о некоем монстре, а обличье у доктора вполне человеческое, и на Страшном Суде отвечать придётся, как за Божью тварь. Хотя и твари у Бога разные — одни траву кушают и нахваливают, а другие без крови обойтись не могут. Но то твари бессловесные, они живут, как им Господь заповедал, а человек, он кто — хищник или овца? Тоже, как и у животных: одни на подножном корму жизнь проживают, другие же из них кровь пьют. Волки и овцы, и в какую сторону ни глянь — всюду так. Только очень уж расплодились волки, овец перестало им хватать, начинают друг другу глотки рвать. Отстреливать надо волков. Удачливый охотник за шкуру волка хорошие деньги получает, тем и живёт. Сколько же можно получить за шкуру доктора? Лет пятнадцать, как минимум, но стрелять надо, иначе дело швах, как говорят французы или немцы. У них в клиниках тоже дела не лучше обстоят — режут людей, как собак в научном центре Павлова. Раньше — для опытов, теперь — ради денег и не только, судя по заявлениям глобалистов о необходимости сокращения населения в определённых странах. Мол, не прокормить такую массу народонаселения, будто они этот народ кормят. Как раз всё наоборот, но миллионеры так не считают, у них всегда пипл виновен. Они судьи, а присяжные, они в каждом правительстве всякой страны имеются, кивают головой и подсказывают: “Да-да, и наш народ тоже ленивый, и наших людей надобно тоже под нож пустить”. Вот, суки, всё продали: и честь, и совесть, и Родину. Иван нервно зашагал по комнате, но этот его злой порыв к действиям отменил телефонный звонок.

— Иван Александрович, здравствуйте, — загудел в трубке басовитый голос. — Меня зовут Александр. Можно просто Саша. Вы уж простите, ради Бога, но у меня случилась беда. Хотел бы встретиться с вами, поговорить. Вы уж не откажите, пожалуйста, а то мне хоть в петлю лезть...

— А что произошло, можете объяснить?

— По телефону не сумею. Вы можете ко мне приехать, а то мне очень тяжело мотаться по автобусам? — И собеседник назвал адрес.

— Хорошо, я сейчас буду, — сказал Иван, взглянув на часы. Времени до прихода Марины оставалось достаточно, и расстояние, что нужно было осилить, для автомобиля оказалось недолгим, и скоро он стоял у небольшого дома, оторый замер среди рослых деревьев старого сада.

Дверь открылась, и тут же за домом раздался лай собаки, и на крыльцо вышел мужчина богатырского сложения и махнул рукой, мол, заходите. Гость прошёл по уложенной камнем дорожке и, встав перед хозяином, что стоял на возвышении крылечка, почувствовал неловкость карлика — едва доходил ему ростом до пояса. Поднял руку, чтобы ответить на приветствие, и за этим рукопожатием, не отпуская его, хозяин втащил Ивана в дом.

— Заходите, заходите, — твердил он, тяжело дыша.

В доме их встретила сухонькая пожилая женщина, взгляд её излучал какую-то добрую надежду. Иван сразу понял, что в доме его ждали и верят — его появление здесь принесёт уверенность в избавлении от беды, которая явилась сюда и тревожит души людей.

Из прихожей Ивана провели прямо к столу, что накрыли, видимо, к его приходу, неброско, небогато, но с чувством уважения к гостю. На столе в вазах лежали конфеты, печенье, фрукты, а в середине ещё что-то, прикрытое вышитой салфеткой, наполняющее воздух комнаты ароматом свежеспечённого пирога, наверняка, с капустой. Старые, надёжные шкафы, тумбочки, стулья, люстра из чешского стекла, нависшая над столом — всё здесь напоминало эпоху социализма, а для многих — целую жизнь. Под салфеткой и впрямь оказался пирог — румяный, с хрустящей корочкой, что аппетитно захрустела уже под ножом, когда хозяйка принялась резать угощение на куски. В чашки налили душистого чаю, и за столом установилась уютная тишина, будто давно знакомые люди сошлись здесь для дружеской беседы, но разговор не начинали, а решили прежде отведать вкусного пирога, чтобы потом вести речи в добром душевном расположении. И вот от пирога осталась малая часть, а чай хозяйка подлила уже по третьему разу, и Александр заговорил:

— Вы простите, Иван Александрович, что отвлекаю вас от дел, но тому виной моя болезнь. От вашего работника я узнал, что вы чудесным образом излечились от... не буду называть от чего, но, может быть, вы и мне что-то посоветуете? Я тону и пытаюсь ухватиться за всё, что может подарить мне надежду.

— Простите, Александр, но я и сам не знаю, была у меня болезнь или её придумали доктора. А вы где проходили обследование?

— В клинике, у доктора Юрия Михайловича Миркина.

— У Миркина! Опять он, всюду он. А в другую больницу не обращались?

— Да нет. Когда узнал про болезнь, началось такое, что забыл о лечении и о себе тоже.

— А что случилось с вами?

— И вспоминать не хочется. Жена, как узнала о диагнозе, сразу сторониться меня стала, в другую комнату спать перешла, будто я прокажённый. На работе предложили уволиться, пособие дали на три месяца, думают, наверное, что больше и не проживу. Обидно и стыдно не за себя, за людей родных и знакомых.

— Что за болезнь у вас обнаружили?

— Опухоль в лёгком, а лечить, говорят, поздно — операцию надо делать, но никто гарантий не даёт, что другое лёгкое цело и болезнь не перейдёт в него. Они же в паре работают, одним воздухом дышат. Если одно убрать, второе тоже недолго проживёт. Врачи говорят, что будут наблюдать, помогать, но мне кажется, операцию сделают и забудут о тебе навсегда.

Иван тотчас позвонил Олегу:

— Ты ещё долго будешь на службе?

— На пару часов задержусь, писанины много, — отвечал тот.

— Мы сейчас приедем, помощь твоя требуется.

— Жду.

Когда Олег повёл Александра обследоваться, Иван остался в его кабинете и задумался, как и у кого испросить разрешения на убийство врача-вредителя. Может, и не надобно никакого благословения — замочить гадину и дело с концом? Лучший выход из этого положения, что между совестью и грехом, — нанять киллера, заплатить ему, а когда он с доктором разберётся, жить дальше с чувством исполненного долга перед собой и людьми.

Впрочем, нет, этот грех должен всецело принадлежать ему — Ивану Заводьеву, потому что он обнаружил намерение зла в человеке и желает его уничтожить. Не надо обременять своим страшным замыслом других людей.

Вернулись врач и пациент. Олег присел за стол и стал что-то записывать в карточку, а Саша сидел на кушетке и пытался улыбаться в сторону Ивана. Разговор не получалось начать, его должен был продолжить Олег, но он занимался написанием диагноза и, видимо, пытался осмыслить будущие действия и слова, которые ему будет нужно произнести. Наконец, он обратился к пациенту:

— Вы, Саша, взрослый мужчина, и потому не буду от вас скрывать — состояние здоровья вашего организма серьёзно подорвано в области дыхания.

Не стану выносить приговора в диагнозе болезни, но думаю, что возможность излечения от недуга есть. Завтра будет врач-пульмонолог, и мы вместе определим методы вашего лечения, а пока вы остаётесь у нас. Сейчас медсестра отведёт вас в палату. Можете позвонить домой. — Олег подвинул телефонный аппарат на край стола.

Выходил из больницы Иван уже вместе с Олегом. Они остановились у машины, той старенькой “Нивы”, исправно служащей доктору, и заговорили:

— Надежда-то есть? Хороший мужик, богатырь. Надо же такому приключиться.

— На днях всё узнаем, а надежда всегда есть. Все невесёлые приключения случаются с хорошими, добрыми людьми. Мерзавцев, тех ничего не берёт, никакая зараза.

Назавтра, когда Иван прибыл в храм, там проходила служба — читали акафист святителю Николаю Чудотворцу. После богослужения Заводьев прохаживался во дворе храма и обдумывал предстоящий разговор с настоятелем. Наконец, отец Николай вышел к нему:

— Что привело вас к нам, Иван Александрович?

— Вы знаете моё имя? — удивился Иван.

— Бывал у вас на фабрике, правда, в отсутствие ваше, заказывал кое-какую мебель для дома. Ваш друг, Сергей, много и с добром о вас рассказывал, с большим беспокойством о здоровье вашем. Такими словами только о хороших людях заботятся. После он в храм приезжал и здравницу вам заказывал. Верный он друг ваш. И Марину, вашу жену, знаю, наша прихожанка и тоже о вас молилась и меня просила умолить Господа о здравии вашем. Берегите эту добрую дружбу и любовь. Не всякому дано обладать таким счастьем. — Батюшка вздохнул.

— А мебель-то вашу изготовили? — расчувствовавшись, спросил Иван.

— Изготовили, и привезли, и установили, где надо. Красиво и добротно, не нарядуюсь, право дело. А вы о чём спросить хотели? — глядя в глаза, спросил священник, и Иван понял — надо отвечать прямо сейчас.

— Батюшка, вопрос у меня серьёзный, но не знаю, по верному ли адресу я пришёл получить ответ? Множество сомнений одолевает мою голову, но одно несомненно: действовать надо, и очень решительно, иначе покоя моей душе не будет никогда. А грянет ли в душу покой после свершения действия, ещё более неизвестно. Наставьте на путь тот, что будет прав в этой жизни, — Иван опустил голову, верно, от тяжести мыслей. Священник потянул его за рукав куртки:

— Пойдёмте со мной. Я здесь недалеко живу. Там и обсудим дела ваши обстоятельно и по совести, не спеша.

В небольшом кабинете поповского дома, где на полках сгрудилось мудростью множество книг, пол был устлан мягким ковром. Они сидели за столом и молчали, пока сухонькая женщина неопределённого возраста подавала на стол сладости и включила стоящий тут же электрический самовар, который вскоре наполнил воздух комнаты мерным шумом закипающей воды. Батюшка насыпал в маленький расписной чайник заварки, залил кипятком, накрыл крышкой, а сверху надел шерстяную накидку в форме курицы и присел напротив гостя:

— Ну что ж, куда чай упаривается, можно и побеседовать.

— На добрую беседу я не рассчитываю, у меня к вам вопрос, не вопрос, а есть какое-то неясное желание поиска выхода из запутанной ситуации понятий того, что можно, а чего нельзя совершать, но надо. Как эту надобность увязать с пониманием смертного греха, который ты хочешь совершить, и как простое человеческое желание жить в сознании исполненного долга перед людьми поможет преодолеть страх Божьего возмездия. — Иван говорил медленно, выбирая нужные слова из глубины сознания причин, приведших его сюда.

— Вы меня пугаете, Иван Александрович. Что это за помыслы о грехе и желание такое действие осуществить?

— Скажите, батюшка, если вы знаете, что перед вами враг твоего на-

рода, людей, живущих рядом, родственников и твоих детей, как ты должен поступить? — пошёл в наступление Иван.

— Защита Отечества благословляется как подвиг. Но нынче, слава Богу, войны нет. Какого врага вы имеете в виду? — уточнил священник.

— Настоящего. Вместо врачебной помощи люди получают диагноз смертельной болезни и, как правило, лечатся, платят деньги, желая продлить свои дни на земле, но результат получают один — смерть.

— Вы имеете в виду медицину? Везде и всегда случаются ошибки, их совершают люди потому, что они не Бог, а только образ и подобие, и часто не верят в венец своего творения. А что у вас произошло?

Иван подробно обо всём поведал. Выслушав, отец Николай помолчал и ответил:

— Но поймите, Иван Александрович, совершив эту свою задумку, вы уподобляетесь самому объекту мести. Становитесь вместе с ним на один греховный уровень перед Господом. Перед человеческим же судом вы будете выглядеть куда как опаснее одного разбойника.

— Пусть, суд Божий меня страшит, но человеческий нисколько меня не пугает, и если процесс когда-нибудь состоится, то можно будет многим открыть глаза на происходящее вокруг нас.

— Не хочется говорить, что вы наивны, но это именно так. И если даже предположить, что задуманное вами, не дай Бог, свершится, при первом же упоминании о причинах, побудивших вас к действию, а тем более о глобальности этих процессов вы будете отправлены в сумасшедший дом, где очень скоро станете увлечённо играть в мяч и лучшего занятия более никогда не узнаете. Конечно, я не советчик вашим мыслям, а только предостерегаю от них, как и положено мне по сану. — Батюшка несколько угас взглядом, и Иван понял: разговор окончен. Уже на крыльце дома, провожая гостя, отец Николай промолвил:

— Бойся себя, сын мой, мыслей своих, не гожих для жизни, слов дурных, а Господь — Он сам всё устроит, как Ему надобно. Убить, конечно, можно, но зло — оно, как тот змей трёхглавый — одну голову срубишь, другая вырастет. Убить человека нетрудно, но этот грех таким мраком на душу ляжет, что жизнь адом покажется тому, конечно, у кого душа не остыла от рук Господних, её вложивших в бренное тело. И помните, дух человеческий в смиреннии крепчает, а главный суд заключён в самом человеке. Ступайте с Богом. — Он перекрестил Ивана и всё стоял на крыльце и смотрел вослед, пока машина не скрылась за поворотом.

Планы по спасению человечества от злодея-доктора Миркина пришлось отложить и работу тоже. Позвонил на службу Олег и попросил приехать. Иван прибыл в больницу к завершению рабочего дня. Олег, уже снявший халат и шапочку, что-то записывал в тетрадку.

— Стихи, наверно, сочиняешь? — пошутил Иван.

— Не до стихов, брат. У нашего с тобой Александра действительно опухоль. Отдавать его в клинику Миркина — это операция, химия, большие деньги, которых у него нет, и конец тому лечению известен. Я вот что подумал: мы его тут подлечим, ну, укрепим организм, а потом давай отвезём Сашу к твоим кержакам, они там, может быть, молитвой и травами с болезнью справятся. А нет, так хотя бы отойдёт в мир иной без мучений. Без операций, удалений, химий и прочих достижений нынешней медицины. Ну, как — согласен?

— Что тут думать, так и поступим. В лесу, на воле, всегда лучше умереть, чем в больнице, — согласился Иван — А можно с ним повидаться?

— Отчего же нельзя. Вместе и пойдём, — поднялся доктор.

Проходя по коридору, Иван неожиданно сообщил:

— Знаешь, я решил его убить.

— Кого, Миркина? — сразу догадался Олег. — С ума сошёл?

— Не знаю, может быть, и сошёл, но я должен это сделать, иначе разве можно жить спокойно, если знаешь врага в лицо, и тот спокойно продолжает жить и вредить исподволь, тайно. Он диверсант, живёт в этой стране по какому-то дьявольскому заданию. Это моё интуитивное мнение, но оно

подкрепляется многими фактами, да хотя бы и самой перестройкой, развалом страны, вымиранием населения, внезапным обогащением всяких мерзавцев. Почему так происходит?

— Это “почему” задаёт себе, наверное, каждый житель нашей страны, наделённый разумом. Однако это не причина убивать, пусть даже врагов. Враги среди нас, в нашем доме, но о них уже знают, и это неплохо. Шаг вперёд сделан, узнавание состоялось, теперь должны созреть и действия, которые обратятся в события.

Они вошли в палату, где им навстречу поднялся всей своей огромной фигурой Александр.

Неделя прошла в трудах фабричных, а после работы Иван отслеживал пути доктора Миркина, но тот из клиники ехал прямо домой, а дом, где он проживал, был окружён оградой, и выпускали за неё только через домофон, и уже внутри, в холле посетителя ещё раз проверял охранник: звонил в нужную квартиру и выяснял у хозяев, надобен ли им такой гость. Иван понял, что войти в дом почти невозможно, а если всё же туда проникнуть, выйти оттуда, завершив своё чёрное дело, он не сумеет, — выход осуществлялся только с согласия хозяина квартиры, и все пути отслеживались камерами. “Комфортная тюрьма, да и только”, — подумал он про элитное жилище и немного растерялся от беспомощности перед этими хитроумными препятствиями. Но позже ему удалось выведать, что в субботний день после обеда доктор уезжает на дачу, и он посчитал этот вариант самым удобным для исполнения своего замысла.

В пятницу они вместе с Олегом и больным Александром отбыли на озеро, чтобы встретиться с Марфой. Осенняя пора ещё только вступала в свои права, вкрадывалась в листву деревьев золотыми красками, но лето неохотно отдавало пространство своих тёплых дней и, не желая перемен к увяданию природы, пусть и сказочно красивому во временном прощании с радостью жаркого солнца, прятало желтизну в гуще покрытых зеленью веток. Высокие зелёные тополя, стоящие по обочине трассы, по которой следовала машина с нашими героями, чуть шелестели покрытой пылью, отяжелевшей к осени листвой, и становилось грустно на душе от этого доверительного шёпота листьев, будто напевающих вполголоса печальную песню прощания с летом. Осень наступала своей особенной тишиной, ещё без красок, но уже без пения птиц, улетевших или собирающихся к отбытию в тёплые края, и только вездесущие воробьи суетились повсюду в поисках зимних квартир — гнёзд, оставленных хозяевами до весны.

В этом состоянии осенней грусти наши мужчины прибыли на островок нетронутой чудесами цивилизации природы, к воде озера, лесу и вольному ветерку, будоражащему воздух, напоённый звуками и запахами свободы, как душевной, так и телесной. Собака, чуточку одичавшая от одиночества, в радости встречи едва не сбила хозяина с ног, пытаясь непременно облизать его лицо. Оставшись одна, она не бросила дом, но, видимо, наведывалась в деревню, где её знали и, наверное, подкармливали — заброшенной она не выглядела, а от радости встречи носилась вокруг гостей, взиала, визжала, ни на минуту не сомневаясь в своей любви к людям, вернувшимся к ней и только к ней. Через некоторое время, успокоившись после щедрого угощения, она нашла себе место в сторонке, лениво грызла сахарную кость, однако зорко следила за передвижениями хозяина в обозримом пространстве, боясь его нового исчезновения.

Больного оставили отдыхать в доме после дорожной маеты, а сами принялись готовить еду из привезённых продуктов. Гостинцы, что собрала для Марфы Марина, занесли в дом, а главный подарок всему мужскому населению староверов — бензопилу и две канистры бензина — оставили в машине, надо было подумать, каким способом всё это доставить в деревню. Марина прислала Марфе два полных сервиза — столовый и чайный, которые выбирала очень осмотрительно, чтобы получилось не очень современно, но добротно и надёжно, старалась для этого и нашла на каком-то складе посуду советских времён, удобную и без нынешних бездарных дизайнерских “изысков”. Она будто бы знала, что на столе у людей из оставшегося в другом времени

мира должны находиться простые, удобные в пользовании приборы, созданные для нормальной человеческой еды.

Оказалось, что Олег родился в Узбекистане и провёл там время своей юности и молодости, и потому, доверив Ивану разведение огня, решил угостить друзей настоящим восточным пловом. Он долго колдовал у стола: нарезал мясо, лук, другие овощи, укладывал всё это в казан, а потом, когда запах мяса распространился в окружающем пространстве, аппетитно щеко-ча ноздри, засыпал рис, долил воды и присел рядом с хозяином, который наблюдал за действиями повара.

Открыв крышку казана и перемешав содержимое его чрева, Олег объявил:

— Ну что, кушанье готово. Будите Александра, обедать будем. Или ужинать. — Он глянул на часы.

Заводьев пошёл было к дому, но тут собака сорвалась с места и побежала к опушке леса, где появилась Фета. Она присела на пенёк, а Альфа, подбежав к ней, уткнулась в колени и замерла, только хвост вилял из стороны в сторону. Иван сразу понял, кто подкармливал пса в его отсутствие на озере. Он тоже двинулся к месту встречи, и Олег поспешил за ним. Когда Иван подошёл к девочке, та поднялась и с поклоном поздоровалась. Он ответил на приветствие, а собака принялась метаться от одного кормильца к другому, видимо, предлагая им объединиться в своей любви к ней. Хозяин отправил собаку домой, подошёл доктор и между девочкой и взрослыми мужчинами завязался разговор о житье-бытье, о здоровье бабушки, о ягодах в лесу.

— Фета, ты можешь спросить бабушку, разрешит ли она прийти к вам с моими друзьями? Скажи ей, что они люди добрые, а один очень болен и хочет, чтобы она его полечила. Попроси ради Бога, пусть она не откажет в милости, а мы уж, как сможем, отблагодарим, — попросил Иван после всех других разговоров.

— Спрошу. А как бабушка ответит, так я прибегу и вам обскажу. — Девочка встала и подала Ивану небольшой свёрток. — Я тут собачке куриные косточки принесла, да вижу, она сытая. Ладно, потом съест.

Александра в доме не оказалось, а когда хозяин вышел на крыльцо, то увидел, что тот стоит на берегу озера, оглядывая водный простор. Иван поспешил к нему, чтобы позвать к ужину, но когда приблизился, молча встал рядом: не хотелось мешать этому задумчивому созерцанию красоты водного пространства, ловящего на себя лучи заходящего солнца, отражающиеся на воде алыми переливами пятен и линий. Стрелы этого красочного явления расходились по воде, достигали берега, золотили камыши, и воздух предвечернего сумрака оживал, и казалось, что гладь озера приняла в себя энергию солнца и сама светится жарким светом огненно-водной стихии. Это несовместимое совокупление двух всегда противоборствующих стихий завораживало взгляд человека, непривычного к такому внезапному объединению этих природных сил. Иван потянул очарованного земного странника за рукав, Саша обернулся, в глазах его догорали печальные блики угасающего светила. Он ничего не сказал и молча двинулся за хозяином в сторону беседки, видимо, размышляя об угасании дня, будто о жизни некоего существа, посланного Господом на землю на короткий период времени. Но, как заходящее солнце цеплялось за жизнь светлого дня и продолжало жить на водах озера, так и человек не должен поддаваться болезни и бедам, а обязан найти в себе силы для продолжения жизни, объединить стихию духа и тела в совместном неистребимом желании — жить.

Назавтра хозяин с доктором встали рано и отправились проверять сети, поставленные с вечера. Александра не тревожили, ему надо было отдохнуть от страха медицинского диагноза, от больничной суеты и самой болезни. Улов оказался приличным для осенних дней затишья, малых рыбных передвижений в охлаждающей воде — жители озера тоже готовились к зиме, к спячке.

Они уже занялись разделкой улова, когда на крыльцо вышел Александр, потянулся и пошёл умываться, и тут же на опушке леса появилась Фета, но не стала ждать, как обычно, усевшись на пенёк, а подошла к беседке, поздоровалась и, присев на чурбак, стала наблюдать за действиями мужчин.

Подошёл и Александр, усялся на бревно, лежащее вплотную к беседке. Он тяжело дышал, но, умывшись и причесавшись, выглядел свежо и молодо. Девочка спокойно, но внимательно смотрела на него, понимая, что это о нём шла вчера речь как о человеке, страдающем серьёзной болезнью.

Скоро группа из трёх мужчин, нагруженных подарками для бабушки, ведомая девочкой Фетой, двигалась по лесной тропинке в сторону деревни староверов. Бензопилу и канистры с бензином оставили в доме — этот груз оказался неподъёмным, его перенос занял бы очень много времени, больной мог ослабеть в дороге и не дойти до цели. Иван не сразу узнал деревню, ожившую от присутствия на улице детворы, собак и кур. От такой неожиданной картины он приостановился, оглядывая живое течение времени в пространстве простой русской деревни семнадцатого века.

Марфа встретила гостей приветливо, усадила на лавки, с благодарностью приняла подарки, а когда Иван распаковал коробки с посудой, только и сказала:

— Эко диво. Тут на всю деревню накрыть стол хватит. Спасибо жёнушке твоей. Зело добра! — И захлопотала у стола, выставляя угощение для гостей. Когда гости напились душистого травяного чаю с мёдом, вареньем и белым домашним хлебом, Марфа повела беседу о жизни, о здоровье и, услышав рассказ доктора про недуг Александра, только покачала головой и сказала:

— Перемерёте вы все там, в своих городах. Жить там негде и дышать нечем, и Бог от вас отвернулея, а без Его милостивого присмотра гуляют бесенята без удержу, сеют разор в души и немощь в тело. Такого богатыря чуть не уморили, видано ли дело? — Она подошла к больному, положила руку ему на голову, и в наступившей тишине остался слышен лишь невнятный шёпот, слетающий с её чуть шевелящихся губ, и натужное дыхание Александра. Напряжение ослабло, когда Марфа отняла руку от головы больного и присела рядом с ним на лавку.

— Скажи, мил человек, чем тебя в больнице лечили-то? — Она приготовилась слушать, но ответил на вопрос доктор и рассказал, что он предпринимал для поддержания жизненных сил организма, чтобы доставить Александра к ней, — это было совместное решение и принято потому, что без нелёгкой и дорогой операции с болезнью не справиться, но и после удаления лёгкого нельзя говорить о полном выздоровлении.

— Резать — много ума не надо. Распорол животину, выпотрошил, да и на погост его, тело-то. Что-то отрезать можно, но только на виду — шишку там какую-то, руку, ногу, если гноище и вонь пошла, но внутрь не заглядывай — тамо дух правит, силён верой человек и болезнь остановится и придёт здоровье вдвое, а нет — не жилец, так постоялец на белом свете. Ну, вы ступайте, а он, если желает себе добра, пусть остаётся здесь. Не знаю, какое время ему отведено Господом, но жить надобно и в скорби, и в радости. Помогу ему, коли Господь сподобит.

Двое мужиков-староверов унесли бензопилу и бензин к ней. Основательного знакомства с ними не получилось, от угощения они отказались, тепло поблагодарили Ивана и Олега добрыми словами за дары неожиданные — так они выразили своё отношение к подаркам.

— Очень уж они суровы, эти отшельники, — глядя им вслед, сказал Иван.

— Такая у них жизнь — цари гнали, большевики кулачили, советская власть тоже любви к верующим людям не питала, вот они и отгородились от мира лесом да крестом. Больше у них ничего и нет, кроме веры и умелых рук, — определил отношения между двумя мирами доктор. — Мы-то что будем делать? Может, отдохнём здесь денёк-другой?

— Останемся, конечно. От добра добра искать — совсем худо будет. Сейчас ухи наварим, обедать будем, а завтра в дорогу. Как думаешь, Саша поправится? — Иван смотрел в сторону леса, где они оставили своего друга.

— Не знаю. Чудес на белом свете мало осталось — без веры какие могут быть чудеса! — но где-то они происходят, наверное, там, где меньше всего суеты и можно успеть заметить пришествие чуда красоты окружающего мира.

Два дня отдыха во времени тихой осени пролетели, как часы наслаждения музыкой или строками бессмертных стихотворений великих поэтов, которые тоже были влюблены в окружающий их мир, обживая его просторы в разных уголках земли, и в своём восхищении красотой природных явлений творили гимны ясному утру, светлому дню, удивлялись загадкам тёмной ночи, в пору весеннего цветения, утомлённой зрелости лета и красочной тишине осени. Друзья совершали лодочные прогулки по широкому простору озера, рыбачили, бродили по лесу и говорили о первозданной красоте мира и уродливости явлений, привнесённых в ареал этой небесной красоты человеком. Приходила Фета, играла с Альфой, и воздух раздольной тишины наполнялся собачьим визгом и детским смехом, а взрослые люди, наблюдая за этой потешной вознёй девочки и животного, дивились созвучию радости в звуках человеческого и собачьего голосов. Первой уставала Альфа, укладывалась у беседки и поскуливала, будто бы винясь за нехватку собачьих сил для продолжения игры, но всегда шла провожать свою маленькую подружку до опушки леса, возвращалась, ложилась у крыльца дома и, засыпая, о чём-то вздыхала сквозь дрему.

Разговоры мужчин начинались темой природы, нехваткой времени для полноценного отдыха от городской суеты — беседы велись неспешно. Потом говорили о некоем коварном плане, который продолжает осуществляться во всём мире и призван превратить человечество в рабов на благо кучке богачей.

— Триста тридцать каналов телевизионного просвещения в дом проведут, картины красивой жизни покажут — добрых воров и шикарных проституток, голубых министров и щедрых банкиров, политических жуликов всех мастей, — рассуждал Иван. — Готовят же скот на бойню с юных лет — ЕГЭ в школе, чтобы свиньи не размышляли, а лишь учились отвечать на вопросы хозяина. Мыслить не надобно, спросят — ответишь, а то просто смотри яркие картинки и радуйся, не воображая никаких других красот неземных. Возьми сельское хозяйство: все продукты модифицированы — огурцы, помидоры, яблоки, будто солдаты, одинакового роста, веса и цвета. Генная инженерия тренируется на овощах и фруктах, но главная цель — человек. Приходишь в клинику господина Миркина, там тебе вводят ген скорпиона, и сразу захочется кого-нибудь укусить ядовитым жалом. Ещё лучше превратить сознание человека в понимание себя в образе навозного жука, расходы по уборке территории земли от дерьма более не понадобятся — сам нагадит, сам и пожрёт. Уже и доктора появились, что лечат людей их же фекалиями, приучают к будущей жизни. Людей станут делить не по расам, а по генетическим свойствам разума, образованного простой инъекцией у домашнего врача. Будут люди-жуки, пауки, бараны и прочий скот и насекомые, и гады ползучие. Люди и сейчас очень похожи на братьев меньших, но всё-таки человеческие качества преобладают. Пока.

Уже в пути к дому они продолжали беседовать.

— Угадайте, доктор, что везли домой победители, дошедшие до Берлина? Победу и славу народа — это понятно. Ещё они везли всякую бытовую мелочь — чашки, ложки, статуэтки, зажигалки. У кого возможность была что-то покрупнее взять с собою — тоже везли вещи для жизни, для семьи. Они жить собирались в мире и добре и, наверное, в справедливости. Союзники наши американские увозили к себе разработки новых секретных вооружений, созданных Третьим рейхом, не успевшим их применить, проект ядерной бомбы и самого её немецкого отца — Вернера. Они не собирались жить в мире и дружбе. Они хотели овладеть мировым пространством, которым не удалось овладеть Гитлеру. В этом, я думаю, и таится разница в мыслях и чаяниях тогдашних победителей. А главное, мой друг, американцы нашли и забрали себе архив исследований доктора Менгеле с его работами по превращению человека в безгласную рабочую скотину. И это была их главная находка в подвалах поверженного врага. По этим особо ценным бумагам ведутся новые исследования, и готовится человечеству печальное будущее. Наша медицина, в особенности её частный сектор, тоже готова выполнять задания, что будут поставлены перед ней Хозяином. Ошибочные диагнозы — это только начало наступления на народы и страны, которые не вошли в состав “золотого миллиарда”.

Когда вернулись в город, события развивались со стремительной скоростью. Иван продолжал выслеживать пути продвижения своего врага, чтобы найти возможность оборвать эту самую ненавистную для него, чуждую всякой жизни жизнь. Дачный посёлок тоже усиленно охранялся, но с другой его стороны шло разнообразное строительство новых домов, и можно было почти беспрепятственно проехать вглубь жилого комплекса, а тем более незаметно пройти пешком. Иван выяснил, что доктор никогда не въезжал на машине за шлаббаум, а выходил перед ним, отправлял машину домой, а сам неспешно прогуливался к своему дому. На этом пути Заводьев и решил встретить свою жертву.

Нет, Иван не считал себя опытным киллером и не мог предполагать такого своего жизненного предназначения, но просчитывал ходы, как шахматист, и не потому, что хотел уйти от ответственности, а только для того, чтобы не промахнуться в желании отмщения. Дом доктора находился поодаль от других строений, у леса, сразу за новостройкой, и Иван определил место встречи — на дорожке, ведущей к воротам, — и если всё получится, он мог просто уйти в лес и оттуда выйти на дорогу, к автомобилю.

А впрочем, он мало думал о путях отступления, скорее полагался на судьбу. Иван не желал называть будущее убийство доктора преступлением против личности и закона. Может быть, это будет уничтожением части зла, ничтожной его крупинцы, но положить начало этой борьбе нужно, и он делает то, что наметил, а последствия сейчас были для него неважны. Ведь иногда в жизни складываются такие несомненные обстоятельства, как смерть. Тогда чего же бояться — она всё равно придёт. Рано или поздно, но надобно забрать с собою малую или большую часть зла, и если каждый нормальный человек осуществит такой подвиг, будто солдат на войне, равновесие величин добра и зла восстановится, а это уже победа.

В послеобеденное субботнее время Иван “повёл” автомобиль доктора по дороге на дачу. Километров за пятьдесят до объекта, где должна была произойти развязка его замысла, он обогнал машину доктора и стремительно умчался к месту намеченной им же встречи со своим врагом. Оставив машину среди деревьев берёзовой рощи, прилегающей к дачному комплексу со стороны новостройки, он отправился к месту ожидания, не ощущая даже малого волнения. По разбитой большегрузными машинами грунтовой дороге миновал новостройку; люди трудились, и никто не обратил внимания на его передвижение по территории посёлка. Благополучно добрался до дома Миркина и спрятался в ельнике у дороги. Достал пистолет, приладил к нему глушитель, и всё это делалось без дрожи в руках, будто всю жизнь он только и занимался охотой на злых, предприимчивых докторов, потом присел на ствол упавшего дерева и стал ждать.

Время двигалось нестерпимо медленно, но прошло пятнадцать минут и полчаса, ещё больше, а доктор не появлялся, и Иван, разволновавшись от такой неожиданности, потерял осторожность, вышел на дорогу и стал открыто прогуливаться перед домом, выглядывая свою жертву из-за поворота. Прошёл час, ещё минут двадцать, и Иван уж отправился к охраннику у центральных ворот что-либо узнать, но вовремя одумался и пошёл к месту стоянки своего автомобиля. По дороге он злился, в мыслях поминал доктора нехорошими словами за то, что тот не явился на свидание с собственной смертью. В сердцах пнул консервную банку, и та, загремев о груды сваленных неподалью камней, этими весёлыми звуками привела его в чувство, он сразу успокоился, понимая, что не в меру разгулялся на чужой территории, а задание не выполнено и придётся сюда вернуться.

Усевшись в машину, достал бутылку виски, махнул прямо из “горла” граммов двести, подождал, пока алкоголь рассосётся по телесной периферии и приведёт в порядок мысли и нервы, а потом не спеша вырулил на трассу и поехал домой. Тихим ходом, дабы не привлекать внимание дорожных служб полиции, Иван возвращался в город в крайне замутнённом состоянии мыслей.

Километрах в пяти от дачного посёлка он увидел на дороге какое-то столпотворение. Поперёк трассы, боком, стоял гружённый щебнем “КамАЗ”,

вокруг него суетились люди, к обочине с обеих сторон припарковано множество машин. У Ивана ёкнуло под ложечкой, но не от выпитого виски, а от предчувствия чего-то необычного, страшного, но вместе с тем ему в этот момент зачем-то нужного, наверное, для душевного успокоения. Он вырвался на обочину, остановился и, невзирая на то, что у места происшествия дежурили сотрудники ГАИ, направился в гущу народа — узнать о происшедшем. Волнение в его груди нарастало по мере приближения к толпе, сердце колотилось, не хватало воздуха. Иван не спеша, пытаясь сдержать неосознанное волнение, обогнул развёрнутый грузовик и сразу всё понял: “джип” доктора Миркина, смятый чуть не до самых колёс, развороченный спереди до половины, стоял поодаль от “КамАЗа”, будто растоптанный кем-то жук.

— А что пассажиры-то, живы? — спросил Иван у мужика рядом.

— Какой там! Оба в лепёшку. Спасатели доставали, дверь вырезали. “КамАЗ” гружёный. Скорость — под сто, “джип” на встречку выскочил — и всё!.. Вон, водитель “КамАЗа” стоит, до сей поры трясётся, как осина. Говорит, и не понял, откуда этот “джип” взялся, хотел вывернуть в сторону, да куда такую машину, ещё и гружёную, враз откатаешь. От судьбы, видать не уйдёшь ни на “джипе”, ни на “КамАЗе”, — мужик махнул рукой. — Гоняют на этих крутых тачках, как сумасшедшие. Ни себя не жалеют, ни других. “Других им было не жалко — это точно подмечено”, — подумал про себя Иван.

Иван опустил на сиденье автомобиля, склонился на руки, положенные на руль, и будто задремал, внезапно освободившись от внутреннего напряжения. Картины аварии носились в его голове, повторяясь вновь и вновь в едва различимых в своей непохожести эпизодах. Но окончание этих видений было единым — смятый до основания “джип” — то, что он видел в реальном свете. Чья-то чужая мысль громко прозвучала в сознании: “Ну, вот всё и случилось без твоего участия”, — и он сразу очнулся, завёл машину и тронулся в путь, осторожно обогнул место аварии, чтобы не спугнуть видение произошедшей радости. Сама судьба освободила людей от доктора-убийцы! Заводьев выехал на трассу, дал волю автомобилю, и тот, рассекая пространство, понёсся в сторону города, освобождённый от всех недавних препятствий к движению.

Уже никуда не хотелось, как после тяжёлого трудового дня, и он, поставив машину в гараж, пошёл домой. Не раздеваясь, налил стакан виски, проглотил огненную жидкость и присел на диване, ожидая растекания алкоголя по крови, а пуще того — в полушариях мозга.

Утром понедельника, просматривая почту и газеты, Иван отметил, что чуть ли не везде разместили некрологи по поводу гибели “известнейшего в стране доктора, которого прозвали врагом рака за то, что он спас множество человеческих жизней от неминуемой смерти”.

И Заводьев почему-то с уверенностью подумал, что теперь там, в сказочной деревне, под присмотром Марфы, всё будет хорошо у раба Божьего Александра.